

Оправдание и реабилитация в Республике Казахстан

Отчет по результатам исследования

**Тимур Бочаров, Арина Дмитриева, Алексей Кнорре, Владимир Кудрявцев,
Кирилл Титаев. При участии Дарьи Кузнецовой**

Руководитель проекта: Кирилл Титаев

Санкт-Петербург 2018

Бочаров Т.Ю., Дмитриева А.В., Кнорре А.В., Кудрявцев В.Е., Титаев К.Д. Оправдание и реабилитация в Республике Казахстан. Отчет по результатам исследования. Под ред. К. Титаева. СПб: ИПП ЕУ СПб, 2018. 70 с.

При участии Дарьи Кузнецовой

Авторы:

Титаев К. Д. — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге

Бочаров Т. Ю. — магистр социологии, магистр права, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, докторант Университета Кента (Великобритания)

Дмитриева А. В. — магистр социологии, магистр права и экономики, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, докторант Университета Восточной Финляндии

Кнорре А. В. — магистр социологии, младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге

Кудрявцев В. Е. — магистр политологии, младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге

Настоящий документ был подготовлен экспертами при финансовом содействии Европейского союза. Мнения, представленные в нем, никоим образом не могут считаться отражающими официальную позицию Европейского союза

Работа экспертов проходила в рамках совместного проекта Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и Верховного Суда Республики Казахстан «Справедливость — главный критерий правовой защиты», при поддержке совместной программы Европейского союза и Совета Европы «Поддержка казахстанских властей в повышении качества и эффективности системы правосудия Казахстана» и проекта Европейского Союза «Совершенствование уголовного правосудия в Казахстане».

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП — содействие судебной реформе и утверждению принципа верховенства права в России. Направления деятельности — проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ. Деятельность института поддерживается Сбербанком, Фондом Кудрина по поддержке гражданских инициатив, Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1 А
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ | EXECUTIVE SUMMARY

Доля подозреваемых, оправданных судом или реабилитированных на более ранних стадиях процесса является важнейшей характеристикой процедуры уголовного преследования. Если эта доля является низкой (ниже 0,5 – 1%), то это маркер дисфункции правоохранительной и судебной системы, так как сама логика уголовного преследования должна закреплять наличие ситуации, в которой на том или ином этапе по тем или иным основаниям подозреваемый должен быть полностью освобожден от уголовного преследования. Одновременно организационные и институциональные механизмы должны давать возможность для реализации этой опции. Аргумент, связанный с высоким качеством работы на досудебной и доследственной стадиях, которое не дает оснований для последующих реабилитаций, является несостоятельным, так как само по себе это утверждение говорит о дисфункции системы уголовного преследования. Отдельные ее элементы (следствие и суд) в этой ситуации выполняют функции, не соответствующие заявленным нормативно, так как вопрос о виновности решается фактически на доследственной стадии.

В ходе исследования установлено, что в европейских юрисдикциях, как в западной, так и в восточной Европе процент оправданных и реабилитированных в суде и на досудебной стадии измеряется, как правило, двузначными цифрами. В РК доля оправданных и реабилитированных составляет 0,12% на следствии и 0,05% в суде (по делам публичного обвинения). Подчеркнем, что речь идет именно о реабилитации лица, а не о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям и не о прекращении по реабилитирующим основаниям уголовных дел, по которым лицо не было установлено. Цель настоящего отчета – проанализировать основные причины наблюдаемого уровня оправданий и реабилитаций.

Первой причиной является отбор (фильтрация) дел при передаче из полиции в следствие – обвинения предъявляются преимущественно по очевидным делам, в которых нет сомнений в виновности и качестве доказательной базы. Все остальные дела либо не расследуются, либо по ним не предъявляется обвинение. Характерно, что количество уголовных дел, рассмотренных судами на 100 тысяч жителей, в РК в два с половиной раза меньше, чем в России, и почти в пять раз меньше, чем в Германии. Важным фактором здесь является палочная система, сохранившаяся на практике, – хорошей иллюстрацией ее сохранения являются «пики» по количеству дел, переданных в суд правоохранительными органами, – они образуются в конце каждого месяца. Так, если в среднем правоохранительные органы направляют в суд 120 дел в день, то в последний рабочий день июня количество переданных дел достигает почти 700. Объяснить это чем-либо кроме сохранения системы формальной отчетности, по которой фактически оценивается деятельность подразделений, невозможно. Система отчетности, особенно негативные показатели, связанные с оправданиями и реабилитациями заставляет сотрудников на ранних этапах максимально откладывать привлечение лица к ответственности, а на втором добиваться нереабилитирующего исхода любой ценой.

Вторая причина – широта прокурорской и судебской дискреции в прекращении дел по нереабилитирующим основаниям. По этим основаниям прекращаются на досудебной стадии дела в отношении 62% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и на судебной – в отношении 27% обвиняемых, представших перед судом (для дел публичного обвинения). Сам по себе этот механизм имеет сугубо позитивную и гуманистическую функцию. Однако в условиях низкой правовой

грамотности населения становится «квази-оправданием», позволяя правоохранительным органам не передавать в суд дела со слабой доказательной базой, но и не реабилитировать подозреваемого.

Третья причина – слабость адвокатуры и ее привязка к правоохранительным органам. С одной стороны, уровень оплаты работы адвоката «по назначению» демотивирует серьезных профессионалов участвовать в этой работе. С другой – эффективная работа адвокатов «по назначению» требует учитывать интересы следственных и судебных органов – быть «удобным» для них. В этой ситуации адвокат скорее работает на обвинение, стремясь выйти на «непроблемные» для правоохранительных органов исходы – осуждение к небольшому сроку или наказанию, не связанному с лишением свободы, прекращение дела по нереабилитирующим основаниям.

Четвертая причина – некоторая степень внепроцессуального влияния органов прокуратуры на суды. По отзывам судей, именно органы прокуратуры фактически координируют противодействие коррупции в судебной системе, поэтому для судей важно избегать конфликты с правоохранительными органами, и даже в ситуациях, очевидно требующих реабилитирующего решения, у них есть основания ограничиться «квази-реабилитацией». При этом понятно, что внимание органов прокуратуры привлекают не только судьи, уличенные в злоупотреблениях. Внутри юридического сообщества есть убежденность в том, что при необходимости силовые структуры могут сфабриковать дела против неугодных судей. Мы не знаем, насколько это мнение обоснованно, однако такое убеждение делает осторожными не только отдельных судей, но и весь судейский корпус.

Важным контекстом является сохранение в РК советского рудимента – следствия, которое стоит между полицией и прокуратурой и создает лишний слой ответственности. Принимая решение о реабилитации, прокурор создает негативные стимулы не только для себя, но и для следственных органов. Наличие системы отдельного следствия – важное препятствие на пути к повышению уровня справедливости системы.

Последствия этой ситуации для РК в первую очередь связаны с депрофессионализацией правоохранительных органов и созданием для них ложных ориентиров. Успешное развитие правоохранительной сферы предполагает высокопрофессиональную полицию, которая готова противодействовать современным криминальным угрозам. Существующая же модель, наоборот, ориентирует полицию и прокуратуру практически только на противодействие простым очевидным преступлениям с явным подозреваемым. Одновременно для экономики невозможность оправдания ухудшает инвестиционный климат, поскольку лишает надежды на эффективную правовую защиту на следственной и судебной стадиях, давая, в частности, коррумпированной части правоохранителей инструменты для шантажа граждан и бизнеса. Частичная декриминализация преступлений, совершенных в ходе экономической деятельности, – верное, но недостаточное решение.

Позитивные изменения в направлении возвращения правоохранительной системы к нормальной модели функционирования не могут быть быстрыми. Однако определенные шаги могут быть сделаны уже сейчас – это могут быть методические пособия и тренинги для сотрудников прокуратуры и судов, обучающие их выносить реабилитирующие решения. Отдельно – принятие Постановления пленума ВС, разъясняющего правила оценки доказательств и сопряженные с отменой решений по наименее доказанным уголовным делам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: УРОВЕНЬ ОПРАВДАНИЙ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ СИСТЕМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ.....	7
ГЛАВА 1. МИРОВОЙ КОНТЕКСТ	10
1.1. Общая логика и основные аргументы	10
1.2. Польша	11
1.3. Германия	15
1.4. Словения	17
1.5. Франция	20
1.6. Италия.....	25
1.7. Япония	26
ГЛАВА 2. СИСТЕМА УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБЩИЙ ОБЗОР	30
2.1. Система уголовного преследования в РК после реформы 2014/15 годов: обзор ключевых изменений	30
2.2. Траектория уголовного дела: нормативная сторона и статистический учет	34
2.3. Траектория уголовного дела в статистике: работающие и не работающие правовые институты.....	37
2.4. Эффекты колеи – наследие социалистической системы уголовной юстиции и «палочная система»	43
ГЛАВА 3. ПРАКТИКА РАБОТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ИСТОЧНИК НИЗКОГО КОЛИЧЕСТВА ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ	48
3.1. Простые дела и невозможность оправдания	49
3.2. Особые процессуальные порядки.....	55
3.3. Фильтрация дел через прокурорскую дискрецию и институт примирения.....	57

3.4. Сложные дела: практика межведомственного согласования – основной инструмент предупреждения оправданий	58
3.5. Подконтрольность судей и страх обвинений в коррупции	61
3.6. Роль адвокатуры.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НИЗКОЕ КОЛИЧЕСТВО ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В РК: ПРЕДПОСЫЛКИ И РИСКИ.....	64
Почему уровень оправдательных приговоров РК столь низок и не может быть выше в существующих условиях?	64
Какие риски для системы уголовной юстиции РК возникают в этой ситуации.....	67
Есть ли позитивная повестка?	68

ВВЕДЕНИЕ: УРОВЕНЬ ОПРАВДАНИЙ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ СИСТЕМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Настоящий документ посвящен анализу причин низкого уровня оправданий на судебной стадии и низкого уровня реабилитаций на досудебной стадии в системе криминальной юстиции Республики Казахстан. Соответственно во вводной части необходимо объяснить, почему уровень оправданий и реабилитаций является важной характеристикой работы правоохранительной и судебной систем, поставить основные задачи для настоящего отчета и продемонстрировать эмпирическую базу, на которую опирается анализ.

Оправданием или реабилитацией мы называем ситуацию, в которой лицо пребывало в некотором статусе, который подразумевает, что оно подозревается в совершении преступления, и тем или иным образом ограничивает его права (например, через обязательство о явке), а затем этот статус утратило без каких-либо негативных последствий. В постсоветских юрисдикциях к таким статусам относятся подозреваемый, обвиняемый и подсудимый. Механизмов же оправдания предусмотрено два – собственно оправдание в суде и прекращение в суде или на досудебной стадии дела в отношении лица по реабилитирующим основаниям (непричастность, отсутствие события или состава преступления). В этом случае для лица не возникает никаких негативных последствий и лицо приобретает право на компенсацию, соразмерную причиненному ему в ходе уголовного преследования ущербу. Далее мы используем термины оправдание и реабилитация как синонимы. Важно при этом понимать, что далеко не всякое прекращение дела в отношении лица является оправданием или реабилитацией. Прекращение дела по нереабилитирующим основаниям не является реабилитацией, поскольку официально признается (в том числе самим подозреваемым), что он совершил преступление, информация об этом сохраняется в профильных базах данных и может быть представлена в предусмотренных законом случаях. Права на компенсацию у лица также не возникает, так как уголовное преследование было полностью обоснованным. Тем более нельзя считать оправданиями ситуации, когда наказание не назначается или назначается мягкое наказание, но суд (или другой орган, имеющий право назначать наказание) принимает обвинительное решение.

Количество оправданий и реабилитаций на судебной и досудебной стадии (acquittal rate) не является ни ключевым, ни главным показателем оценки правоохранительной системы. В большинстве юрисдикций эта характеристика вообще не очень важна при изучении правоохранительной системы. Но чрезвычайно низкий (ниже 0,5-1% в сумме по всем этапам) уровень этого показателя – важный маркер дисфункции правоохранительной и судебной системы¹. На то есть несколько причин.

Правоохранительная система в целом выстроена как последовательность фильтров – где постепенно на каждом этапе «отфильтровываются» все новые и новые случаи². В результате путь от самого невнятного подозрения до приговора суда сопряжен с так называемым «отсевом» (attrition)

¹ Обзор см.: Solomon P. H. Understanding Russia's Low Rate of Acquittal: Pretrial Screening and the Problem of Accusatorial Bias //Review of Central and East European Law. 2015, 40: 1.

² Понятно, что эта модель будет работать несколько по-разному в странах континентального и общего права. Мы здесь и далее в этом отчете ориентируемся только на страны континентальной правовой семьи.

потока лиц³. Сначала полиция сама отказывается от подозрений в чей-то адрес, потом прокуратура не поддерживает полицейское обвинение, в результате чего «фильтруется» - то есть реабилитируется – еще небольшое количество подозреваемых, затем суды оправдывают определенную долю подозреваемых. Именно выстроенная система фильтров, своеобразная воронка – это признак работающей правоохранительной системы. Почему допустимо утверждать, что дела обстоят именно так?

Могут возразить, что существует система, в которой вся фильтрация сосредоточена на самых ранних, невидимых статистике стадиях. Ведь и для гражданина гораздо лучше вообще не побывать в статусе обвиняемого, чем побывать под подозрением, а потом быть реабилитированным. Такие аргументы часто звучат в странах бывшего Советского Союза, где низкий уровень «отсева» потока – общая болезнь. Однако это ложные аргументы.

Вся система процессуальных статусов – подозреваемый (лицо, которому объявлено о подозрении), обвиняемый, подсудимый и т.д. (в разных странах названия меняются) возникла не случайно. На каждом этапе подозреваемый и потерпевший получают новую информацию и новые процессуальные гарантии, они могут активнее участвовать в сборе доказательств в свою пользу, они приобретают возможность помочь следствию и суду не совершить ни ошибку первого, ни ошибку второго рода⁴. Одновременно они оказываются более защищенными, получают возможность пользоваться квалифицированной правовой помощью. Следствие и суд же получают новую информацию благодаря их участию и, что логично, могут менять свою позицию с учетом этой информации.

В обратной же ситуации правоохранительные органы, собрав всю возможную информацию на стадии, когда лицо, которое потом станет подозреваемым, не участвовало в разбирательстве, оказываются вынуждены игнорировать новую информацию, доводить дело до суда и приговора «как есть», по возможности минимизировать возможности подозреваемого пользоваться правовой помощью (ведь оправдание будет означать не нормальную ситуацию, а их глобальную недоработку). В результате увеличивается количество невинно осужденных или, по меньшей мере, осужденных при недостатке доказательств (не так и не совсем за то, что они совершили).

Но кроме правозащитных проблем здесь возникают и проблемы эффективности правоохранительных органов в самом традиционном смысле. Дело в том, что для эффективной работы на начальных этапах расследования у полиции и прокуратуры должны быть «развязаны руки». Сотрудники должны понимать, что они могут заподозрить человека, провести необходимые следственные действия с учетом его позиции и потом спокойно реабилитировать. В противном же случае они вынуждены «отсекать» все потенциально сложные и неоднозначные случаи, потому что на первом этапе провести определенную работу невозможно, а риск оправдания сохраняется (что влечет санкции для всех участников). Отдельной проблемой является зависимость карьеры судьи от того, как часто отменяются или изменяются вынесенные им приговоры. В ситуации же, когда

³ «Отсев» (хотя более точный перевод – «истощение») – это статистическая разница между количеством лиц, которые переходят из одного процессуального статуса в другой. Обзор см., например: Jehle J. M. Attrition and conviction rates of sexual offences in Europe: Definitions and criminal justice responses //European Journal on Criminal Policy and Research. 2012, 18: 1.

⁴ Ошибка первого рода в нашем случае – оправдание виновного, ошибка второго рода – осуждение невинного.

сторона обвинения сильнее, отмена оправдательного приговора более вероятна, что демотивирует судью. Таким образом, растет и количество дел, по которым никого не привлекли к ответственности, потому что дела эти сложные и неоднозначные.

И в целом встает вопрос о том, зачем нужны прокуратура и суды, если изначальное решение следствия оказывается верным более чем в 99% случаев? Весь этот дорогостоящий аппарат нужен для контроля работы следователей и назначения наказания? Нельзя ли его как-то радикально упростить, сократить, удешевить?

Поэтому определенный уровень «отсева» дел – это важнейший маркер здоровой судебной и правоохранительной системы. Конечно, этот показатель важен не сам по себе. Мы твердо убеждены в том, что повысить долю оправданий и реабилитаций без существенного оздоровления правоохранительной и судебной системы – невозможно. Таким образом, борьба за увеличение числа оправданий и реабилитаций – это борьба за снижение количества необоснованно осужденных и одновременно борьба за повышение эффективности работы правоохранительных органов⁵ по контролю преступности.

Важный вопрос, на который мы ищем ответ: какой институт обладает эффективным контролем над стадией расследования и какие функции выполняют полиция, прокуратура, и что остается на рассмотрение суда⁶. Для того чтобы содержательно ответить на главный вопрос исследования, необходимо решить несколько задач.

- Проанализировать мировой опыт (стран континентальной правовой семьи) на предмет уровней «отсева» на разных процессуальных стадиях.
- Описать формальную сторону работы правоохранительной системы Республики Казахстан после реформы 2016 года.
- Проанализировать на основании статистических данных и интервью реальную практику работы правоохранительной и судебной системы Республики Казахстан.
- Обобщить анализ, описав предпосылки и последствия сложившейся ситуации.

Авторами были привлечены все возможные источники. Отчет опирается на анализ агрегированных и дезагрегированных статистических данных, предоставленных Генеральной прокуратурой Республики Казахстан, материалы СМИ и академические исследования, а также массив интервью, собранных в мае-октябре 2017 года. Интервью проводились с сотрудниками правоохранительных и судебных органов, правозащитных и адвокатских организаций Республики Казахстан. Всего проведено более 30 интервью. В силу специфики поля подавляющее большинство интервью проводилось без диктофона, и потому в тексте отчета приводятся примеры, но не используются прямые цитаты из интервью. В сумме эти источники позволяют получить исчерпывающую и многостороннюю картину функционирования системы уголовной юстиции в Республике Казахстан.

⁵ Что мы понимаем в данном случае как то, что полиция начинает работать с более сложными кейсами и эффективнее работать с простыми.

⁶ Wade M. The Januses of Justice: How prosecutors define the kind of justice done across Europe //Eur. J. Crime Crim. L. & Crim. Just. 2008, 16.

ГЛАВА 1. МИРОВОЙ КОНТЕКСТ

В данной главе будет представлена практика различных юрисдикций по вопросу оправданий в суде и реабилитации на досудебной стадии. Основное содержание главы - шесть страновых кейсов, которые выбирались так, чтобы представить развитые юрисдикции (Германия, Франция), юрисдикции развитые, но часто критикуемые (Италия, Япония) и юрисдикции, прошедшие через постсоциалистическую трансформацию (Польша, Словения). Представленные описания неоднородны, так как специфика национальных моделей правоохранительных систем требует разного объема дополнительных пояснений, а доступность данных неодинакова для разных стран. В главе нет разделения на лучшие и худшие практики – задача этого обзора показать относительную унифицированность некоторых правовых механизмов.

Для удобства читателя главу открывает обзор общей ситуации, в котором выделены основные тенденции, проиллюстрированные затем страновыми кейсами. При этом везде, где это было возможно, мы опирались не на общие агрегированные данные по миру, а на анализ национальных данных, так как специфика передачи данных в общие агрегированные мировые базы (такие как UNODC или Eurostat) нередко вводит аналитика в заблуждение. Однако в некоторых случаях приходилось пользоваться и этими данными.

1.1. Общая логика и основные аргументы

Число обвиняемых, оправданных в судах и реабилитированных на следствии во всех наблюдаемых юрисдикциях чрезвычайно высоко по сравнению с уровнем оправдания по делам публичного обвинения, скажем, в России (0,14%). Только в Японии этот процент опускается ниже 1% (что отдельно анализируется в соответствующем разделе этой главы). Во всех остальных странах он превышает 2%. Хотя доля оправданных в других юрисдикциях не огромна, но оправдания, например, в Польше, случаются в 14 раз чаще, чем в России. В тех странах, в которых есть институт частного обвинения, при суммарном расчете доля оправданных при общем расчете резко вырастает, но, подчеркнем, она в десятки раз выше даже при отдельном анализе относительно тяжких дел. В большинстве случаев нами были исключены из анализа нетяжкие обвинения, которые в разных юрисдикциях интерпретируются по-разному: как административные правонарушения, уголовные проступки и т.п., - и к которым могут применяться разные порядки разбирательства и назначения наказания.

На техническом уровне, если мы будем анализировать работу уголовной юстиции как комплекса организаций, это будет означать, что в типовом полицейском участке (часто совпадающим по обслуживаемой территории с судом) в год через суд будет проходить примерно 500 дел. То есть в обычной развитой юрисдикции оправдания будут случаться ежемесячно или даже несколько раз в месяц, поэтому оправдание для них – это относительно нормальная ситуация, которая не может вызывать серьезных санкций (в противном случае пришлось бы увольнять по десять провинившихся в год), а в пост-советских юрисдикциях это уникальная или форс-мажорная ситуация, которая просто в силу логики работы правоохранительной организации с большой вероятностью потребует серьезных санкций.

Кроме того, важно отметить, что во всех названных странах наблюдается широкий уровень прокурорской дискреции. Так, количество обвинений, которые прокуратура «принимает», и количество обвинений, которые она направляет в суд, обычно различаются в разы. Как можно видеть из таблицы 1, разница между первой и последней строкой в описываемых странах составляет более 400%, в то время как в России, например, менее 10%.

Таблица 1. Количество дел на 100 тысяч жителей, по которым принято решение

Показатель	Германия	Италия	Польша	Словения	Франция	Россия
Количество дел, полученных прокуратурой	5,66	5,45	2,72	4,2	7,44	0,63
Прекращены прокуратурой	3,18	3,48	1,06	0,84	4,81	0
Разрешены (наказание назначено) прокурором	0,23	Н/Д	0,36	0,08	0,87	Н/Д
Дела, переданные в суд	1,25	1,01	0,48	0,62	0,9	0,59

Источник: *Commission for the Efficiency of Justice. European judicial systems: Efficiency and quality of Justice European., 2016. 242с.*

При этом детальный анализ показывает, что основной вклад в эту разницу вносят дела, которые прокуратурами прекращаются в связи с нецелесообразностью уголовного преследования или недоказанностью преступления. Однако и вклад прекращений дел в отношении реальных подозреваемых по реабилитирующим основаниям играет существенную роль. Значения этого показателя, вычисленные по национальной статистике, колеблются от 3 до 30% от общей доли дел, «принятых» прокуратурой у полиции.

Можно возразить, что эти различия объясняются разной степенью требовательности прокуратуры и отсутствием во всех проанализированных случаях отдельного института предварительного следствия. Более детально этот вопрос будет обсуждаться в главе 4, но здесь нужно отметить, что в таком случае становятся (а) непонятны функции прокуратуры и суда при таком качестве работы следствия, (б) удивителен тот факт, что такое количество развитых юрисдикций предпочитает использовать такую некачественную полицию.

Подводя итог: уровень оправданий и реабилитация по делам частного и частно-публичного обвинения во всех проанализированных юрисдикциях сравнительно высок и нигде не опускается ниже 5% в сумме реабилитированных на досудебной стадии и в суде.

1.2. Польша

Расследованием уголовных дел в Польше занимаются полиция и прокуратура. Возбуждение уголовного дела происходит либо после направления потерпевшим заявления в полицию или прокуратуру, либо по инициативе полиции / прокуратуры. Небольшое количество дел, подлежащих предварительному расследованию, находится в ведении пограничной и таможенной служб, лесо- и природоохранных организаций, санитарного контроля и т.п.

Возбуждение уголовного дела может осуществляться любым из двух институтов – и полицией и прокуратурой. Но далее ответственность разделяется: полиция имеет право задержать подозреваемого на срок до 48 часов, а прокуратура должна обратиться в суд с ходатайством об аресте (сведений о частоте удовлетворения этих ходатайств обнаружить не удалось). Прокурор осуществляет

надзор над предварительным следствием (nadzor sądowy w postępowaniu przygotowawczym). На прокуратуре лежит ответственность за мониторинг и управление процессом расследования на досудебной стадии, прокурор осуществляет контроль всех стадий предварительного расследования, которое проводит полиция.

Предварительное расследование дела может осуществляться в форме 1) дознания и 2) следствия. Эти две процедуры предполагают разное участие полицейских и прокуроров в расследовании. Расследование в форме **прокурорского дознания** (prosecutorial inquiry) относится к более тяжким преступлениям и его осуществляет прокурор, который может привлечь полицию к расследованию всего дела или какой-то части. **Следствие** (investigation) проводит, как правило, полиция и оно проводится в отношении менее тяжких дел. Но прокуратура в любом случае осуществляет мониторинг и таких дел. Она является «хозяйкой» досудебной стадии. В результате полицейской реформы 2000 года была сформирована комбинированная система централизованного и децентрализованного контроля над полицией. Уголовное следствие осталось централизованным институтом с централизованным бюджетом и осуществляется Центральным следственным бюро (далее – ЦСБ), в котором заняты порядка 1300 человек (чуть больше 1% всех полицейских сил Польши). ЦСБ непосредственно подчиняется главному штабу полиции, отделы функционируют на всей территории Польши. В задачи ЦСБ входит борьба с организованной преступностью, противодействие терроризму и обороту наркотиков. В последние годы в функции ЦСБ добавились расследования коррупционных преступлений, мошенничества с кредитами и фальшивомонетчество. Сотрудники ЦСБ работают в тесной кооперации с сотрудниками других подразделений полиции (полиции воеводств, округов) в рамках следственно-оперативной группы, создаваемой по решению главного комиссара полиции. Все остальные преступления расследуют полиция воеводств, в которых нет разделения на оперативных и следственных работников.

Возможны несколько исходов уголовного дела, которые могут быть реализованы разными институтами и на разных стадиях расследования⁷.

- Простое прекращение дела в соответствии со ст. 17 УПК РП⁸ применяется, когда не установлен факт совершения преступления, нанесен незначительный общественный ущерб, нет достаточных оснований для передачи дела в суд или глава службы (прокурор) не находит эти основания достаточными и побуждает следователя прокуратуры прекратить дело и т.п. В этом случае прекращение дела не несет осязаемых последствий для преследуемого за исключением того факта, что остается запись во внутренних документах прокуратуры.
- «Условное» прекращение - прекращение дела при выполнении определенных условий (выплата штрафа, общественные работы и т.п.) - этот исход возможен по решению прокурора, но при участии суда. В таких случаях вина подсудимого “предполагается”, но не фиксируется (в отличие от ситуации с прекращением по нереабилитирующим основаниям в Республике Казахстан). Запись о факте уголовного преследования сохраняется во внутренних документах и может быть доступна в случае повторного привлечения этого лица к

⁷ Wade M. The Januses of Justice: How prosecutors define the kind of justice done across Europe // Eur. J. Crime Crim. L. & Crim. Just. – 2008. – Т. 16. – С. 433.

⁸ Уголовный процессуальный кодекс Республики Польша вступил в силу в 1997 г.

уголовному преследованию. “Условное” прекращение не является “обвинением” как таковым, поскольку только судья может выносить обвинительный приговор.

- Медиация – новый инструмент, который достаточно редко применяется в польском уголовном процессе и в случае примирения сторон ведет к «условному» прекращению дела.

Все остальные виды исходов реализуются в ходе судебного рассмотрения дела. Прокурор подготавливает обвинительное заключение, и затем судья в ходе предварительного рассмотрения дела может отказать прокурору и вернуть дело, или судья может принять дело к рассмотрению. Кроме того, судья может решить, что «общественный ущерб незначителен» (*znikoma szkodliwosc spoleczna czyni*) и прекратить дело⁹.

И далее уже в суде может быть реализована ускоренная процедура, которая предполагает, что некоторые решения о виновности подсудимого были приняты на этапе расследования. Ускорение процедуры возможно по всем типам дел, кроме самых тяжких (в Польше нельзя применить ускоренную процедуру к делам, по которым предусмотрено наказание свыше 10 лет).

Таблица 2. Предварительное расследование уголовных дел (включая апелляцию), Польша, 2015

Показатель	Тысяч дел	Доля, %
Выявлено преступлений, всего	809,9	
В том числе:		
Уголовные дела, рассмотренные прокуратурой (районной, окружной и в апелляции)	834,3	
В том числе:		
Передано в суды с обвинительным заключением	179,6	21,5%
Передано в суды с ходатайством об условном прекращении	15,4	1,9%
Отказ в возбуждении уголовного дела	141,5	17,0%
Прекращено дел	271,0	32,5%
в том числе из-за отсутствия подозреваемых:	81,1	9,7%

Источник: *Rocznik statystyczny 2015. Dział IV Wymiar sprawiedliwości. Tabl. 1, tabl. 9* URL: <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/>

Как видно из таблицы 2, примерно 38% дел, переданных в прокуратуру, прекращаются, еще по 20% следует отказ в возбуждении уголовного дела. По части дел наказание назначается прокуратурой, и они не передаются в суды.

В Польше на стадии предварительного расследования достаточно велика роль суда. Изменение соотношения роли суда и прокуратуры произошло после принятия УПК РП 1997 года, одной из целей которого был перенос ответственности на уровень суда и уменьшение традиционно большой власти прокуратуры. Непосредственно после принятия УПК это очень негативно отразилось на эффективности судебной системы, поскольку суды не справлялись с возросшей нагрузкой, но в последние годы отсрочки рассмотрения дел не такие большие, как в начале 2000-х.

⁹ Bodnar A., Bojarski L. Judicial Independence in Poland // *Judicial Independence in Transition* / под ред. A. Seibert-Fohr. Heidelberg: Springer, 2012. С. 725.

В основной массе уголовных дел, доведенных до суда (364,4 тысяч), большинство составляют дела, рассмотренные в порядке публичного обвинения – 83,4%, дела в порядке частного обвинения составляют 3,4% дел, доведенных до судебного рассмотрения и рассмотренных в рамках УПК.

Таблица 3. Рассмотрение дел судами, Польша, 2013 год

<i>Рассмотрение дел и материалов дел районными судами</i>	<i>Тысяч дел</i>	<i>Доля, %</i>
Рассмотрено судами уголовных дел и материалов дел, всего	2338,7	
Из них:		
1) Дела, рассмотренные в рамках УПК, включая:	364,4	16%
а) в порядке публичного обвинения	303,9	13%
б) в порядке частного обвинения	13,2	1%
2) Судебный надзор над следствием	205,3	9%
3) Дела о мелких правонарушениях	701,5	30% ¹⁰

Источник: *Rocznik statystyczny 2015. Dział IV Wymiar sprawiedliwości. Tabl. 17(90)* URL: <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/>

Дела частного обвинения включают нанесение легких телесных повреждений, клевету, оскорбление и нарушение закона о печати (в части опровержения публикации).

Таблица 4. Результаты рассмотрения дел в суде, Польша, 2015 год

<i>Исходы для лиц, привлеченных к уголовной ответственности</i>	<i>Всего</i>	<i>Публичное обвинение</i>	<i>Частное обвинение</i>	<i>Повторно¹¹</i>
Привлечено лиц к ответственности	330087	320888	7702	1497
Осуждены	84,8%	86,8%	18,3%	14,5%
Оправданы	2,7%	2,3%	15,7%	28,7%
Наказание не назначено	0,2%	0,1%	2,8%	0,4%
Дело было прекращено условно	8,2%	8,2%	9,7%	3,9%
Дело прекращено	4,1%	2,7%	53,5%	52,4%

Источник: *Rocznik statystyczny 2016. Dział IV Wymiar sprawiedliwości. Tabl. 28(101)* URL: <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/>

В порядке частного обвинения потерпевшая сторона может обратиться в суд лично или по доверенности. Обвинительное заключение в деле частного обвинения должно содержать полную информацию о преступлении. В ходе рассмотрения дел в порядке частного обвинения суд назначает предварительное слушание, где сторонам предлагается достичь урегулирования спора на определенных условиях. В случае отказа сторонами в примирении, назначается рассмотрение дела в суде. Доля лиц, по которым дела рассматриваются в порядке частного обвинения, составляет всего око-

¹⁰ Остаток – это материалы, не являющиеся собственно рассмотрением дела по существу.

¹¹ Относится к делам по повторной выдаче постановлений об отказе в возбуждении дела или продолжении производства по делу.

ло 1% от нагрузки судов общей юрисдикции. Чуть больше половины таких дел прекращались на этапе предварительного слушания (таблица 4).

Как видно из таблицы 4, доля «чистых» оправданий в судах общей юрисдикции в Польше составляет около двух процентов, но вместе с квазиоправданиями и прекращениями, без обвинительного заключения из судов выходят 13% лиц, привлеченных к уголовной ответственности. По делам частного обвинения доля оправданий существенно выше - 15%.

Заметим, что если цифры оправданий и прекращения дел судом остаются достаточно стабильными на протяжении последних 10 лет – около 2% тех и других, то доля дел, прекращенных условно за последние годы даже выросла – в 2005-2008 годах условное прекращение составляло 4,6-5,4%¹².

Отвечая на вопрос, какой институт обладает эффективным контролем над стадией расследования, какие функции выполняют полиция, прокуратура и что остается на рассмотрение суда, можно сказать, что в Польше были предприняты серьезные попытки перенести значительную часть контроля на судебную стадию и ослабить роль прокуратуры. Однако непосредственно после введения УПК 1997 года, суды мгновенно оказались перегружены, и в части оценки эффективности судебной системы Польша постоянно называлась в числе аутсайдеров, демонстрируя одни из самых длительных сроков судебных разбирательств в Европе. Тем не менее к настоящему моменту удалось сбалансировать систему расследования преступлений и добиться того, чтобы у каждого участника (прокуратуры, полиции и т.д.) было достаточно полномочий для проведения расследования и дискреции в принятии решений.

Можно заключить, что в Польше отсутствует обвинительный уклон, это подтверждается как достаточно высокими цифрами оправданий, так и разнообразием иных исходов («условное прекращение», примирение сторон), не ведущих к вынесению обвинительного решения.

1.3. Германия¹³

В 2015 году в Германии было зарегистрировано 6 372 526 преступлений¹⁴, из них раскрыто 3 584 167 преступлений, по ним было осуждено 739 487¹⁵ человек, что на 1,2% меньше, чем в 2014 году (748 800 человек). Органами прокуратуры было завершено около 5,0 миллионов уголовных расследований¹⁶.

Доля оправданий в суде в Германии составляет около 4 %, однако следует учитывать, что не меньше 40% подозреваемых отсеивается на досудебной стадии, а в последние годы больше – около 60%¹⁷. Оправдательный приговор часто применяется в судах Германии, реже для тяжких преступ-

¹² Op. cit. Bodnar, Bojarski, p. 725.

¹³ Подготовлено на материалах исследования Шклярук М. Траектория уголовного дела в Германии: оправдательный уклон? (Итог эмпирических наблюдений) / под ред. Е. Моисеевой и К. Титаева. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2017.

¹⁴ Источник: Федеральное управление уголовной полиции, Висбаден. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/logon?sequenz=tabelleErgebnis&selectionname=24911-0001&language=en>.

¹⁵ Источник: http://www.statistik-portal.de/Statistik-Portal/en/en_jb07_jahrtab47.asp.

¹⁶ Источник: https://www.destatis.de/EN/PressServices/Press/pr/2016/11/PE16_401_243.html.

¹⁷ Statistische Bundesamt, 2010, 2012, 2014.

лений, но как обычное решение – для нетяжких. Еще более активно оправдание в той или иной форме реализуется на досудебной стадии: 32% окончанных расследований в прокуратуре Германии прекращены из-за недостаточности подозрения, еще 32% – по соображениям нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, оправдательный приговор в Германии — часть обычной работы судебного конвейера: один из путей при выборе адвокатом стратегии защиты, опция для прокурора в суде, возможное для судьи решение.

По закону расследованием занимаются сотрудники полиции, прокуратуры и следственные судьи. Досудебное расследование обозначается термином «дознание». В ходе дознания устанавливается наличие или отсутствие достаточного подозрения. Этап дознания заканчивается прекращением уголовного расследования или передачей дела в суд. Основная нагрузка по расследованию преступлений лежит на полиции. Полиция определяет ход расследования, собирает все необходимые документы, затем передает расследование прокуратуре. Фактические действия по дознанию находятся в руках полиции. Полицейские обращаются в прокуратуру только в тех случаях, когда необходимо получение судебного разрешения на принудительные следственные действия. При этом разделение на процессуальные фигуры сотрудника полиции и следователя / дознавателя отсутствует.

Прокуратура в Германии является основным органом уголовного преследования и единственным органом, наделенным правом предъявления государственного обвинения и поддержания его в суде. Прокуратура подключается к работе тогда, когда появляется подозреваемый или возникает необходимость проведения уголовного расследования и обращения в суд за судебным решением и органы, занимающиеся расследованием, обязаны обратиться в прокуратуру.

Завершая расследование, прокуроры могут: а) предъявить обвинение в суде или обратиться в суд за приказом о наказании (упрощенная процедура); б) прекратить уголовное преследование по различным основаниям. К этим основаниям относятся: недостаточность доказательств для предъявления обвинения, наличие правовых (процессуальных) препятствий для уголовного преследования, нецелесообразность преследования ввиду малозначительности деяния (*Opportunitätseinstellungen*). Есть и другие решения, принимаемые прокуратурой, которые отражаются в статистике. Как правило, они связаны с особенностями учета разных исходов расследований, не связанных напрямую с наказанием или прекращением уголовного расследования как такового. К ним относятся: объединение нескольких расследований (6% всех окончанных) и передача расследований в другую прокуратуру (4,8% всех окончанных). Другими частыми исходами расследования являются оценка события как административного правонарушения и передача его в другие государственные органы (5,3%) или оценка события как дела частного обвинения и возвращение заявления потерпевшему с разъяснением дальнейших действий (4,2%)¹⁸.

Уголовное дело частного обвинения (*Privatklageverfahren*) может быть инициировано двумя способами: 1) потерпевший обращается в полицию, полиция проводит расследование, передает материалы в прокуратуру, прокуратура выносит решение о прекращении в связи с отсутствием общественного интереса и возвращает потерпевшему материалы с описанием процедуры самостоятельной подачи обвинительного заключения в суд; 2) потерпевший сразу обращается в суд либо

¹⁸ Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2014.

подавая обвинительное заключение, либо составляя протокол и передавая его в канцелярию суда. При этом частный обвинитель должен внести залог как гарантию возмещения расходов, которые предположительно понесет обвиняемый. Суд может на любой стадии (как при поступлении обвинительного заключения, так и в ходе рассмотрения дела прекратить производство в связи с незначительностью вины). Частный обвинитель также может отказаться от обвинения на любой стадии. В дальнейшем процедура рассмотрения уголовных дел частного обвинения не отличается от процедуры публичного обвинения.

В среднем по Германии 13% расследований направляется в суд с обвинением (то есть когда необходимо проведение судебного разбирательства), 13% – уходит в суд с запросом на вынесение приказа о наказании (Strafbefehl), 11% – передается в административные органы или возвращается заявителям с разъяснением права на обращение в порядке частного обвинения, 31% – прекращается исходя из принципа целесообразности, 32% – прекращается из-за недостатка доказательств или (крайне сравнительно редко) невменяемости подозреваемого (Schuldunfähigkeit). Таким образом, почти 2/3 расследований, в которых полиция установила подозреваемого и передала дело в Прокуратуру, прекращаются до суда, четверть – уходят в суд, оставшиеся – передаются в административные органы или переводятся в частное обвинение. В 2014 году прокуроры направили в суд 1/5 всех завершённых расследований (около 1 млн дел из 4,6 млн). 441 235 дел (45%) были окончены предъявлением обвинения и 540 023 (55%) – ходатайством о назначении наказания (Antrag auf Erlass eines Strafbefehls)¹⁹.

Оправдательные приговоры в суде в Германии не являются невозможными даже после «отсеивания» прокуратурой. В 2012 году перед судами в Германии предстало 960 000 человек. В отношении 774 000 были вынесены обвинительные приговоры. Доля обвинительных приговоров – 81%. В отношении 16% подсудимых расследования были прекращены, 3% были оправданы²⁰. Кроме того, в практике судов Германии активно используется инструмент «судебных сделок», который предполагает признание вины в обмен на снижение наказания. С 2009 года существует законодательное регулирование сделок (Verständigungsgesetz), включающее правила их проведения.

Делая вывод, можно утверждать, что наибольшей дискрецией в уголовном процессе обладает прокуратура, она прекращает, возвращает и передает в административные органы значительную часть расследований, но при этом другие участники процесса, например суд или представители адвокатуры, не ограничены в выборе исхода дела и вынесении или настаивании на оправдательном приговоре.

1.4. Словения

Еще в период социализма уголовный процесс в Югославии принял черты состязательного процесса, но также содержал элементы инквизиционного процесса. После распада Югославии и образования в 1991 году независимого государства Словенской Республики, был принят новый УПК (1994), который, впрочем, не содержал коренных изменений по сравнению с УПК Югославии 1977 года.

¹⁹ Statistisches Bundesamt, Justiz auf einen Blick, 2015. S. 12-13.

²⁰ Statistisches Bundesamt, Justiz auf einen Blick, 2015. S. 14.

Уголовный процесс в Словении состоит из четырех этапов: досудебная стадия, выдвижение обвинения, суд и судебный контроль (включающий апелляцию или другие меры контроля решений судов первой инстанции). Досудебная стадия, в свою очередь, состоит из двух частей: предварительного расследования, которое проводит полиция, и следствия, которое является частью судебной фазы и проводится следственным судьей по запросу прокурора. Задача следственного судьи заключается в сборе свидетельств, проведении допросов и поиске истины относительно расследуемого преступления, он же принимает решение о взятии подсудимого под стражу. Следственный судья далее не принимает участия в судебном процессе, а передает все собранные материалы прокурору. Следствие является обязательным для преступлений, по которым предусмотрено наказание свыше 8 лет заключения.

Уголовное дело открывается, когда заявление пострадавшего поступает в полицию или прокуратуру. Полиция в Словении достаточно многочисленна (более 400 человек на 100 тыс. населения). Работа полиции организована на трех уровнях: местном, региональном и национальном. Полиция разделена на восемь директоратов, которые обслуживают 106 полицейских участков. Еще 80 следователей служат в Национальном бюро расследований²¹. Уровень преступности в стране относительно низкий, а уровень удовлетворенности полицией - относительно высокий²². Уровень раскрываемости преступлений в 2010 году составлял 48,3%.

После предварительного расследования полицией (которое может включать неформальный опрос потерпевшего, подозреваемого и свидетелей, осмотр места преступления, исследование улик и т.п.) материалы дела передаются прокурору. Прокурор решает, содержат ли эти материалы достаточные основания для начала формального расследования (в случае тяжких преступлений) или для немедленного выдвижения обвинения (в случае более простых дел).

В первом случае, когда принято решение проводить формальное расследование, им занимается следственный судья. Он может самостоятельно или при участии полиции проводить любые следственные действия. Следственный судья связан инквизиционной максимой - поиском истины. Его задачей является собрать достаточные доказательства для передачи дела прокурору, который решит, выдвигать ли обвинение или закрыть дело.

На стадии предварительного расследования полиция обладает свободой действовать как самостоятельный субъект расследования – осматривать место происшествия, снимать отпечатки пальцев, устанавливать личность подозреваемого (в этом смысле процесс организован как инквизиционный). Исключение составляют ряд так называемых формальных следственных действий (прослушивание телефона, обыск, арест), на которые необходимо получать письменную санкцию следственного судьи. На этом этапе появляются элементы состязательного процесса. При аресте подозреваемому сообщают его права.

В подавляющем большинстве случаев старт уголовному преследованию дает прокурор. Наряду с правом начинать расследование, прокурор обладает правом прекращать расследование в случае разрешения конфликта между сторонами («условное» прекращение дела). Уголовное преследова-

²¹ Meško, G., & Jere, M. (2012). Crime, criminal justice and criminology in Slovenia. *European Journal of Criminology*, 9(3), 323-334.

²² Там же.

ние может быть прекращено прокурором, если выполнен ряд условий: подозреваемый возместил ущерб или выплатил компенсацию жертве, заплатил штраф или внес средства в благотворительный фонд, отработал определенное количество часов на общественных работах. Кроме того, начиная с 2000-х годов вводится процедура медиации, которая также осуществляется под надзором прокурора²³. Если же прокурор обнаруживает, что нет достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, он может рекомендовать пострадавшей стороне начать уголовное преследование в частном порядке. Некоторые правонарушения могут быть приняты к рассмотрению только при наличии заявления пострадавшей стороны. Как только пострадавшая сторона направляет заявление, прокурор получает статус «компетентного прокурора» и может начать уголовное преследование. Как правило, в частном порядке преследуются преступления небольшой тяжести - клевета, домашнее насилие. Но частные лица сами не могут проводить следственных действий.

Судебное разбирательство организовано преимущественно как состязательный процесс. В результате судебного разбирательства подозреваемый может быть признан виновным, невиновным или может быть принято решение об отказе в вынесении обвинения.

Согласно статистическим сведениям, собираемым Евростатом, в 2014 году в Словении было зарегистрировано 47 936 сообщений о преступлениях. Согласно тому же источнику, 18 270 человек были признаны подозреваемыми и 9 729 (53,3%) осуждены.

Словенское статистическое бюро публикует сведения о завершенных судебных разбирательствах, и они несколько отличаются от данных, публикуемых Евростатом. Как видно из таблицы 5, в 2014 году словенскими судами первой инстанции было вынесено 13 573 решений. Оправдания составили 4,9%, в 5,8% случаев было вынесено решение о прекращении дела на стадии судебного разбирательства. Прокурорам было отказано в вынесении обвинительного заключения в 3% случаев. Расследование было прекращено в 16,8% дел.

Таблица 5. Завершенные судебные разбирательства, 2014 год

<i>Решения</i>	<i>Количество</i>	<i>Доля</i>
Вынесено судебных решений, всего	13 573	100%
Отказ в вынесении обвинительного заключения	409	3,0%
Расследование прекращено	2 287	16,8%
Оправданы	668	4,9%
Отказ в выдвижении обвинения	794	5,8%
Защитные меры, санкции не применены	35	0,3%
Признаны виновными	9 375	69,1%
Депортированы	5	<0,1%

Источник: <http://www.stat.si/StatWeb/en>

²³ Cerar Z., Sinkovec S. Short review over the legal grounds and organizational structure of the state prosecutor's office in the Republic of Slovenia // What Public Prosecution in Europe in the 21st Century. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2000. С. 117–123.

Таким образом, словенский уголовный процесс представляет собой смесь инквизиционного и состязательного процесса. С одной стороны, следствие должно установить истину, с другой стороны, фигура следственного судьи призвана гарантировать права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления и обладает достаточной дискрецией ограничивать действия полицейских. Основная задача прокурора - провести проверку качества расследования и решить, достаточно ли собрано доказательств для передачи дела в суд. Если прокурор решает, что оснований для выдвижения обвинения недостаточно, он прекращает дело. Система уголовного расследования выстроена таким образом, чтобы уменьшить репрессивность и увеличить применение альтернативных способов разрешения конфликтов. Там, где возможно, прокуратура мотивирует стороны к досудебному урегулированию конфликта с целью уменьшить нагрузку на суды. **На судебной стадии доля оправданий и иных необвинительных исходов в Словении находится на одном из самых высоких уровней в странах континентальной Европе, что позволяет сделать вывод об отсутствии обвинительного уклона.**

1.5. Франция

Согласно доступным данным статистики Евростата за 2015 год количество оправданных лиц во Франции составило 22 715 человек, тогда как осуждено в этом году было 633 875 человек, т.е. доля оправдания согласно этим данным составила 3,46%²⁴.

Однако обобщенная статистика Евростата не позволяет увидеть распределение показателя оправданий по разным типам преступлений и разным типам юрисдикционных органов, что составляет специфику французского уголовного права и процесса. Во Франции принято деление всех преступных деяний (*d'infractions pénales*) на три категории: правонарушения 5-го класса (*contraventions de 5ème classe*), уголовные проступки (*délits*) и собственно преступления (*crimes*). К уголовным проступкам относятся деяния, за совершение которых законом установлено наказание в виде лишения свободы или штрафа свыше 3 750 Евро (по состоянию на 2015 год). В категорию преступлений попадают наиболее тяжкие деяния, такие как убийства и насильственные действия.

В строгом смысле слова дела частного обвинения во французском случае отсутствуют: потерпевший имеет право подать заявление и инициировать уголовное преследование, но предварительное следствие и поддержку обвинения в любом случае осуществляют государственные органы.

Полиция во Франции в значительной степени подчинена прокуратуре и обязана регистрировать и передавать ей все дела, даже при отсутствии подозреваемого²⁵. При этом сама прокуратура (*parquet*) обладает широкими полномочиями по прекращению уголовных дел до суда по различным основаниям (отсутствие события преступления, непричастность лица, малозначительность, процессуальные нарушения при расследовании и т.д.).

Прокуратура во Франции (*ministère public* или менее официально *parquet*) полностью контролирует полицейское расследование преступлений – дознание (*enquête*), участвует в предварительном

²⁴ Сравнительная судебная статистика Евростата по годам доступна по ссылке <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>.

²⁵ Wade M. The Januses of Justice How Prosecutors Define the Kind of Justice Done Across Europe *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice* 16 (2008) 433–455.

следствии (*instruction*) и поддерживает обвинение в суде. Формально прокуроры входят в судебную профессиональную корпорацию – магистратуру, проходят общее с судьями обучение, но в отличие от последних не обладают независимостью, структурно подчиняясь Министерству юстиции. Прокуроры по своему рангу подразделяются на генеральных прокуроров (работают на уровне апелляционных судов и Кассационного суда), прокуроров Республики (уровень трибуналов большой инстанции) и низший уровень – заместители, которые действуют и подписывают документы от имени прокуроров Республики.

Объем полномочий прокурора очень широкий: его прерогативой является санкционирование возбуждения уголовного преследования, выдвижение обвинения в отношении подозреваемого лица и определение категории деяния, решение о необходимости проведения предварительного следствия, определение готовности дела для передачи в суд или следственному судье²⁶. Даже в тех делах, где одновременно участвует следственный судья (число таких дел неуклонно снижается в последнее время), прокурор имеет больше влияния на траекторию дела в силу более долгих и устойчивых отношений с полицией, от которой зависит объем и качество собранной доказательной базы (хотя формально ведущее лицо – следственный судья)²⁷.

Прокурор обладает дискрецией в вопросе передачи или не передачи дела в суда, последнее в основном связано со слабостью собранных полицией доказательств либо отсутствием значимого публичного интереса в предании лица суду²⁸. Кроме того, прокурор может прекратить дело по формальным основаниям: за отсутствием состава или события преступления, отсутствием подозреваемого лица²⁹. Примечательно, что полиция обязана передавать на рассмотрение в прокуратуру все дела, даже те, в которых подозреваемый не установлен³⁰. Заключение досудебного соглашения (*composition pénale*) или передача дела на разрешение в порядке уголовной медиации также относится к полномочиям французского прокурора³¹. Прокурор обладает дискрецией в сфере применения условного прекращения дела, когда полагает возможным не передавать дело в суд (напр., мелкое воровство, хранение легких наркотиков) при условии выполнения нарушителем определенных требований³². Это может быть возмещение вреда потерпевшему, общественные работы, штраф, прохождение реабилитации. Другим способом не доводить дело до стадии предваритель-

²⁶ Официальный сайт Министерства юстиции Франции, страница «Procureur». Дата обращения 17.11.2017. URL: <http://www.metiers.justice.gouv.fr/magistrat-12581/le-metier-12582/procureur-26218.html>.

²⁷ Hodgson, J. (2005). *French criminal justice: A comparative account of the investigation and prosecution of crime in France*. Bloomsbury Publishing.

²⁸ Solomon, P. H. (2015). Understanding Russia's Low Rate of Acquittal: Pretrial Screening and the Problem of Accusatorial Bias. *Review of Central and East European Law*, 40(1), 1-30.

²⁹ Стойко, Н. Г. (2006). *Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем*. Издательский дом СПбГУ.

³⁰ Wade, M. (2008). The Januses of Justice: How prosecutors define the kind of justice done across Europe. *Eur. J. Crime Crim. L. & Crim. Just.*, 16, 433.

³¹ Solomon. Ibid.

³² Wade. Ibid.

ного следствия и предания суду является вынесение предупреждения (*rappels à la loi*) нарушителю³³.

Последовательность процессуальных действий при поступлении сообщения о преступлении следующая. Вначале проводится полицейское дознание, направленное на сбор и закрепление доказательств, допрос свидетелей и потерпевшего, установление лица, совершившего преступление, его задержание. На основании собранных полицией материалов прокурор может принять несколько решений: о возбуждении уголовного иска (иногда называют публичным иском) и переходу к стадии предварительного следствия с передачей материалов следственному судье, о прекращении дела, о заключении досудебного соглашения либо о применении альтернативных уголовному наказанию мер. Следует учитывать, что предварительное следствие, как правило, производится только в отношении преступлений, т.е. очень немногочисленной категории уголовных деяний, редко и на усмотрение прокурора – по уголовным проступкам (деликтам), никогда не проводится по правонарушениям³⁴. Таким образом, в большинстве случаев дело ограничивается полицейским дознанием под контролем прокурора. В тех же случаях, когда дело все-таки передается в суд, прокурор также может определять дальнейшую траекторию дела. От него зависит возможность применения упрощенных процедур в отношении обвиняемого: в меньшей степени вынесение судом уголовного приказа без слушаний дела (*ordonnance pénale*), в большей степени сделка о признании вины (*comparution sur reconnaissance préalable de culpabilité, CRPC*), условия которой определяет прокурор³⁵.

Таким образом, расширяющийся объем полномочий по прекращению дела или применению альтернативных мер позволяет говорить о постепенном смещении во Франции центра принятия решения по нетяжким преступлениям от судебной системы к прокуратуре.

Разные категории дел рассматриваются разными органами: полицейские суды рассматривают правонарушения различных классов, исправительные суды – уголовные проступки, а преступления рассматриваются в судах ассизов. Система судебных органов выстраивается в основном по административно-территориальному принципу: всего во Франции 476 полицейских судов, что соответствует числу округов; 186 исправительных судов, по числу департаментов; лишь суды ассизов, всего 102 суда, строятся по межтерриториальному принципу и действуют на нерегулярной основе. Суды ассизов имеют сложную структуру – трое профессиональных судей (председатель и два ассессора) и непрофессиональное жюри, состоящее из девяти человек (в апелляционных судах ассизов – двенадцать). Во Франции также действуют отдельные суды для несовершеннолетних.

Вышестоящими инстанциями являются апелляционные суды и Кассационный суд Франции, которые призваны пересматривать дела в апелляционном и кассационном порядке соответственно.

В 2015 году распределение количества приговоров по типам судебных учреждений выглядело следующим образом: 83% приговоров было вынесено исправительными судами, 8% судами по де-

³³ Hodgson, Jacqueline and Soubise, Laurene (2016) Prosecution in France. In: *Oxford Handbooks online*. New York: Oxford University Press. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2980309>.

³⁴ Калиновский, К. Б. (2003). *Основные черты уголовного процесса зарубежных государств*. Уголовный процесс: Сборник учебных пособий. Особенная часть, (3), 346-387.

³⁵ Hodgson & Soubise. Ibid.

лам несовершеннолетних, 5% полицейскими судами и 0,4% судами ассизов. Структура приговоров по виду преступного деяния в 2015 году была следующей: 94% проступки, 5% правонарушения и лишь 1% преступления.

Кроме того, статистика Евростата не показывает количество прекращений на досудебной стадии по инициативе прокуратуры, которая обладает во Франции большим объемом дискреционных полномочий по фильтрации входящего потока дел, как отмечалось выше.

Таким образом, для составления целостного представления о ситуации с оправданиями во Франции и работе досудебного фильтра необходимо обратиться к национальной статистике. Министерством юстиции Франции публикуется довольно много статистических материалов о работе правоохранительных органов и судебной системы как в обобщенном виде за год, так и по отдельным проблемам и направлениям (напр., статистика по преступлениям среди несовершеннолетних и работе ювенальных судов). Однако данные выкладываются со значительным отставанием – так, на данный момент доступна статистика преимущественно за 2015 год, которая и будет использована в дальнейшем анализе³⁶. Следует учитывать, что во Франции не ведется сводная статистика оправданий по всем типам преступных деяний, а считается всегда отдельно по исправительным судам, судам ассизов и ювенальным судам (по полицейским судам такая статистика не ведется), что вполне обоснованно в силу описанных выше различий этих судебных органов.

Статистика по лицам. Всего в 2015 году были инициированы уголовные дела в отношении 1 954 857 лиц, из них в отношении 581 923, т.е. около 30%, дела были прекращены прокуратурой по различным основаниям: 327 903 за отсутствием состава, 95 869 в виду отсутствия события преступления, 95 910 в виду непричастности, 47 962 из-за отзыва публичного (уголовного) иска потерпевшим, 7 295 по причине невменяемости, 3 576 по причине несоблюдения процедуры, 2 634 – не была оказана помощь воспитателя (дела несовершеннолетних), 774 – имелся правовой иммунитет. То есть более 20% дел в отношении конкретных лиц прекращается по реабилитирующим основаниям.

Таким образом, дела в отношении 1 372 934 подозреваемых получили дальнейший ход, однако лишь дела в отношении 647 761 (47%) из них были переданы в судебные органы: 527 556 в исправительные суды, 59 783 в суды по делам несовершеннолетних, 34 506 в полицейские суды, 25 916 следственному судье, тогда как в отношении 521 390 (38%) лиц были применены альтернативные меры (предупреждение, направление в социальные институты, назначена терапия, возмещение ущерба и т.д.), а с 71 765 (5,2%) подозреваемыми было заключено досудебное соглашение. Оставшиеся дела в отношении 132 018 (9,6%) подозреваемых были признаны прокуратурой, поддерживающей обвинение (*ministère public*), неподлежащими передаче в судебные органы. Причинами этого могли быть, например, неудовлетворительное расследование, малозначительность ущерба или последствий преступного деяния, отказ потерпевшего от обвинения или неявка по повесткам и т.д.

³⁶ Сводный отчет с судебной и досудебной статистикой за 2015 год представлен на сайте Министерства юстиции Франции (*Références Statistiques Justice* http://www.justice.gouv.fr/art_pix/Stat_Annuaire_ministere-justice_2015_interactif.pdf).

Статистика по делам. Всего в прокуратуру поступило в 2015 году 4,5 млн дел, из которых было зарегистрировано только 3 млн, оставшиеся 33% не были зарегистрированы чаще всего в виду отсутствия подозреваемого или малозначительности правонарушения. Если обратиться к статистике по рассмотренным делам в 2015 году, то их всего было 4 260 836. 70% дел из этого числа были прекращены прокуратурой, чаще всего потому что не был установлен подозреваемый (58% случаев), но также и в виду отсутствия события преступного деяния, незначительности ущерба, непричастности и т.д. В отношении остальных уголовных дел прокуратурой были приняты следующие решения: 46% были переданы в судебные органы или следственному судье, в 37% дел были применены альтернативные уголовным меры наказания, в 5% были заключены досудебные соглашения, 12% дел были признаны неподлежащими передаче в суд. Самый массовый поток направленных уголовных дел приходится на исправительные суды, всего в 2015 году в эти суды поступило 5 589 656 дел, но только по 262 658 делам были вынесены судебные решения. Такой большой процент недошедших до решения дел объясняется применением в остальных случаях институтов, введенных недавними процессуальными реформами – уголовного приказа (*l'ordonnance pénale*) с 2003 года и производства с предварительным признанием вины (*la comparution sur reconnaissance préalable de culpabilité*) в 2004 году.

Таким образом, статистика Министерства юстиции Франции, как по лицам, так и по делам, показывает очень высокий процент дел, прекращаемых прокурором на досудебных стадиях. **Однако, несмотря на такую интенсивную фильтрацию потока уголовных дел прокуратурой, уровень оправдательных приговоров во французских судах остается достаточно высоким.**

Статистика по оправдательным приговорам для исправительных судов доступна за 2016 год³⁷. Всего в этот период было вынесено 263 007 решений в отношении 311 912 обвиняемых, из которых в отношении 19 940 были оправдательными, т.е. доля оправданий составила **6,4%**. Важно отметить, что показатель оправданий в статистике Минюста Франции по исправительным судам считается именно от вынесенных приговоров (*jugements pénaux*) в открытом судебном заседании, то есть туда не включаются уголовные приказы (*ordonnances pénales*) и приказы в порядке процедуры о признании вины (*ordonnances de CRPC*). Поэтому данный показатель в национальной статистике значительно отличается от того, который выводится из статистики Евростата, где представлено количество осужденных и оправданных без этой раскладки. Если же не делать такого изъятия, то мы получим сопоставимые цифры. Так, в 2016 году всего было принято решений в отношении 544 508 обвиняемых, из которых 524 351 были осуждены, 20 157 оправданы (217 – в приказной процедуре, 19 940 – в обычной процедуре), что составляет долю оправданий **3,8%**.

При этом следует учитывать высокую долю дел в порядке упрощенного производства с признанием вины – в такой форме было разрешено 46,9% всех дел, в этих случаях оправдание, разумеется, исключено.

Хотя подавляющее большинство уголовных дел рассматривается в исправительных судах, выделение показателя оправданий отдельно по ювенальным судам и судам ассизов (чего нет в обобщен-

³⁷ Справка по уголовной статистике Министерства юстиции Франции за 2016 год
http://www.justice.gouv.fr/art_pix/stat_fiche_pour_internet_intranet_2016_avril2017.pdf.

ной статистике Евростата) позволяет увидеть различия в цифрах в зависимости от применяемой судебной процедуры.

Так, в судах по делам несовершеннолетних доля оправдательных приговоров несколько выше, чем в исправительных судах для взрослых, составив в 2016 году **4,6%** (без изъятия дел, рассмотренных в приказном порядке).

В отношении преступлений, которые рассматриваются судами ассизов, приказные формы вообще не могут применяться. Судами ассизов в 2015 году по первой инстанции было постановлено 1 746 приговоров, из которых 133 были оправдательными, т.е. процент оправданий составил **5,2%**. В апелляционных судах ассизов этот показатель несколько выше – в 2015 году он составил **8,1%** (37 оправданий из 361 приговоров). Однако необходимо отметить, что подход апелляционных судов ассизов при пересмотре к обвинительным и оправдательным приговорам ощутимо различается. Например, в период с 2003 по 2005 год апелляционными судами ассизов было оставлено в силе всего 92% приговоров, при этом из общего количества обвинительных приговоров было оставлено в силе 95% приговоров, но лишь 43% от количества оправдательных³⁸.

1.6. Италия

Современная система уголовного судопроизводства начала складываться в Италии с конца 80-х годов, когда был принят новый УПК в значительной степени переформатировавший уголовный процесс, который до этого момента являлся исключительно инквизиционным, был предельно бюрократизирован и с незначительными изменениями базировался на модели процесса, сформированной еще при фашистах. Идеологической задачей нового УПК была трансформация уголовного процесса из инквизиционного в состязательный. Получившаяся в итоге система в значительной степени сочетает черты обоих типов процесса и характеризуется прежде всего центральной ролью прокурора (Pubblico Ministero), обладающего предельно широкой дискрецией и являющегося при этом частью судебной системы. Именно прокурор является точкой входа для любого уголовного дела (возникшего как в результате расследования полицейскими, так и по результатам обращения потерпевшей стороны) и принимает ключевые решения по инициированию уголовного дела, скорости его продвижения по различным стадиям судебного разбирательства и общей оценке перспективности / необходимости уголовного преследования в каждом конкретном случае.

Таблица 6. Уровень обвинения в Италии

Процессуальный статус	Год			
	2011	2012	2013	2014
Обвиняемые	480 642	479 358	483 501	482 796
Осуждено	238 501	220 965	246 980	226 986
Доля осуждений	49%	46%	51%	47%

Источник: ISTAT и UNODC

³⁸ Отчет о деятельности апелляционных судов ассизов на сайте Министерства юстиции Франции. 2008.
http://www.justice.gouv.fr/art_pix/1_decisionsdescappeldassisesmai2008.pdf.

Так, примерно половина всех заподозренных отсеивается прокурорами в ходе предварительной проверки, еще половина оставшихся лиц отсеивается, когда сам прокурор (*Pubblico Ministero*) или судья предварительного следствия (*Giudice per le Indagini Preliminari*) принимает решение не передавать дело в ведение основного судьи (*Giudice*). Таким образом, ежегодно перед судом предстает не более 500 тыс. лиц из примерно полутора миллионов заподозренных, а осужденными после всех апелляций остаются не более 250 тыс. человек.

Здесь необходимо чуть подробнее остановиться на фигурах прокурора, судьи предварительного суда и основного судьи. *Pubblico Ministero (обвинитель)* – представитель суда, хотя и не является судьей. В его /ее задачи входит обнаружение истины, таким образом, обвинитель ищет не только доказательства виновности подозреваемого / обвиняемого³⁹, но и наоборот активно пытается обнаружить свидетельства его невиновности. Инициатором уголовного процесса всегда является *Pubblico Ministero*, необходимые действия производятся им или по собственной инициативе, или же вследствие информации о преступлениях, полученной от полиции или частных лиц. Сообщение о преступлении по закону не может быть проигнорировано, однако *Pubblico Ministero* обладает широкой дискрецией (в рамках УПК) в определении приоритета рассмотрения дел. Таким образом, дела частного обвинения (или их аналог) как таковые отсутствуют, однако потерпевшая сторона опционально имеет право участвовать в процессе.

Фигура *Giudice per le Indagini Preliminari* (Судья предварительного следствия) является вспомогательной и гарантирует права подозреваемого, контролируя его переход в положение обвиняемого. Именно такой судья стоит на страже интересов подозреваемого на стадии предварительного следствия, любые меры (выделяются: принудительные – запрет или контроль перемещений, запрети-тельные – запрет на осуществление определенной деятельности и реальные – арест имущества) по ограничению свободы подозреваемого санкционируются им (на стадии судебного разбирательства это право переходит к судье - *Giudice*), также судья предварительного следствия дает разрешение на переход от предварительного следствия к основному процессу на основании совокупности доказательств, собранных под началом прокурора.

В целом необходимо признать, что хотя Италия как юрисдикция является достаточно специфичной, а статистические данные о ней ограниченные, уровень отсева дел на всех стадиях является достаточно высоким.

1.7. Япония

Случай Японии, в которой каждый год оправдывается менее одного процента всех представших перед судом обвиняемых, представляется крайне нетипичным и оценивается большинством исследователей как уникальный среди развитых юрисдикций. В современной литературе существует два конфликтующих взгляда на процессы, приводящие к такому результату, однако обе эти исследовательские перспективы сходятся во мнении, что, несмотря на такой беспрецедентно высокий уровень обвинительных приговоров, японский обвинительный уклон не носит «злокачественного»

³⁹ Подозреваемый и обвиняемый являются двумя разными процессуальными состояниями, переход во второе обозначает, что лицо предстает перед основным судьей (*Giudice*), который должен принять решение о виновности / невиновности на основе доказательств, предоставленных прокурором и адвокатом, а затем назначить наказание.

характера, т.е. не приводит к массовому или значительному осуждению невиновных. Почему они приходят к такому выводу? Для начала рассмотрим особенности дискреции прокуратуры в Японии.

В нескольких аспектах кейс Японии сходен с рассмотренным выше случаем Италии. Во-первых, японская судебная-уголовная система, так же как и итальянская, сочетает в себе черты инквизиционной и состязательной. Элементы состязательности были трансплантированы в японский уголовный процесс после поражения во Второй мировой войне, когда американская оккупационная администрация стремилась выстроить систему сдержек на пути авторитарных и милитаристских тенденций в послевоенной Японии. Успешность этой стратегии, во всяком случае в отношении уголовного судопроизводства, ставится под сомнение, т.к. процесс в своей основе остался инквизиционным⁴⁰.

Во-вторых, японские прокуроры, так же как и их итальянские коллеги, обладают предельно широкой дискрецией (возможно еще более широкой) и играют решающую роль в уголовном процессе, поскольку обладают огромными возможностями в «создании преступления» исходя из фактов дела – обладая монополией на право обвинять, японские прокуроры при этом могут приобщать к делу практически любые доказательства, показавшиеся им важными, задерживать любых подозреваемых на срок до 25 суток с почти гарантированной санкцией со стороны суда, контролируя при этом общение подозреваемого и адвоката (вплоть до момента предъявления формального обвинения перед лицом суда), произвольно назначая время и количество допросов.

Впрочем, у таких широких полномочий есть и обратная сторона, здесь важно упомянуть о разделении всех дел на две категории – мигара и дзайтаку, – сопровождающиеся задержанием подозреваемого и ведущиеся полунформально без инициирования уголовного процесса. В случае если прокурор выбирает стратегию мигара, то он обязан предъявить формальное обвинение в течение 23-25 суток, дальнейшее содержание под стражей должно быть санкционировано судом, который принимает решение на основании собранных доказательств. В примерно 20% случаев полиция сама решает на задержание подозреваемого, и тогда дело практически гарантировано будет развиваться по сценарию мигара. Это положение ставит прокурора в менее комфортные условия по сравнению с делами дзайтаку, в ходе которых прокурор может месяцами собирать доказательную базу перед предъявлением формального обвинения. Таким образом, в категорию мигара попадают, как правило, наиболее тяжкие преступления и сложные дела, часто связанные с организованной преступностью. Наконец, самая главная особенность заключается в том, что японские прокуроры фактически могут игнорировать преступления и закрывать дело по своему желанию, вплоть до того момента, пока оно не будет передано в суд, даже если имеются прямые свидетельства его совершения (иначе говоря, в Японии не действует обычный для многих юрисдикций принцип обязательного судебного преследования).

В целом обычный ход дела в Японии можно описать следующим образом. Прокурор получает от полиции информацию о предполагаемом правонарушении, после чего оценивает перспективность расследования такого дела, если дело попадает в категорию перспективных, т.е. прокурор и полиция уверены в виновности подозреваемого и наличии возможности доказать ее перед лицом суда, то прокурор, используя свои полномочия, иницирует полицейское расследование, собирая дока-

⁴⁰ Conspiracy at Matsukawa. Berkeley: University of California Press, 1972.

зательную базу и опционально общаясь с подозреваемым на полунеформальной основе. В тот момент, когда у прокурора оказывается комфортное количество доказательств, он стремится на их основе получить признательные показания от обвиняемого (как правило, успешно), если преступление рассматривается прокурором как нетяжкое, а подозреваемый как раскаявшийся и несклонный к совершению повторного правонарушения, то на этом этапе дело вполне может ограничиться public shaming'ом. Во всех прочих случаях вооруженный признанием подозреваемого и предельно экстенсивной доказательной базой (обычное дело о магазинной краже может насчитывать более тысячи страниц показаний и экспертиз) прокурор направляет дело в суд. Если преступление нетяжкое (90% всех случаев), оно рассматривается в особом порядке (судья знакомится с документальными свидетельствами), как правило, заканчиваясь штрафом и публичным порицанием, во всех остальных случаях дела рассматривают в формальном режиме (т.е. в ходе полноценной судебной процедуры, когда судья исследует доказательства и заслушивает показания свидетелей, потерпевших и самого обвиняемого). Более чем в 99% случаев суды поддерживают обвинение.

Таблица 7. Уголовное преследование в Японии

Процессуальный статус	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Находились под подозрением полиции	322 620	305 631	287 021	262 486	251 115
Находились под прокурорским расследованием	148 000	138 456	134 142	126 089	124 030
Осуждены	70 971	65 529	63 594	58 507	58 231

Источник: UNODC

Вернемся к проблеме «злокачественности / доброкачественности» японского обвинительного уклона. В классической статье, посвященной данной проблеме, "Why is the Japanese conviction rate so high?"⁴¹ авторы исходят из того, что японская прокуратура находится в состоянии хронической нехватки ресурсов и, соответственно, перегрузки. Этим они объясняют как фактическое игнорирование прокурорами примерно половины всех поступающих к ним сообщений о преступлениях, так и то, что еще половину дел они [прокуроры] не доводят до суда (см. таблицу 7). Часть их аргументации в пользу «доброкачественности», таким образом, строится на том, что находящиеся под давлением общественности прокуроры передают в суд только «очевидные дела». Диаметрально противоположная позиция высказывается в книге "The Japanese way of justice: Prosecuting crime in Japan"⁴², автор которой считает, что уникальность японской юрисдикции заключается в сравнительно низком уровне преступности для такой крупной страны – это подтверждается как сравнительно небольшим количеством регистрируемой преступности, так и регулярно проводимыми виктимологическими опросами; низкой степени политической ответственности прокуратуры, сочетающейся с предельно высокими стандартами доказывания. Такая картина подразумевает, что прокуроры действительно стремятся преследовать наиболее тяжкие преступления, посвящая им максимум усилий и имеющихся в избытке ресурсов, во всех остальных случаях занимая менторско-дидактическую

⁴¹ Ramseyer, J. Mark, and Eric B. Rasmusen. "Why is the Japanese conviction rate so high?" The Journal of Legal Studies 30, no. 1 (2001): 53-88.

⁴² Johnson, David T. The Japanese way of justice: Prosecuting crime in Japan. Oxford University Press, 2001.

позицию (наказание в данном случае отступает на второй план перед функцией «наставления на путь истинный»). Из таблицы 7 мы видим, что прокуроры «фильтруют» примерно половину от всех заподозренных полицией и потом еще половину тех, кого сами признали подозреваемыми, не передают в суд.

Между тем обе исследовательские перспективы сходятся на том, что каковы бы ни были организационные стимулы прокуроров, японские судьи рассматривают предоставляемые им дела с высокой степенью объективности. В качестве доказательства этой позиции можно обратить внимание на следующий факт. Исследование Рамсвера и Расмусена, ссылка на которое приводилась выше, проверяет гипотезу о влиянии неустоявших (т.е. отмененных в вышестоящей инстанции) оправдательных приговоров на карьеру судьи, обнаруживая, что если дело не было «политическим» (в японском контексте это всегда означает коррупционным), то такой приговор никак не препятствует продвижению судьи по служебной лестнице. Иначе говоря, имеющие дело с умеренной нагрузкой японские судьи сравнительно часто рассматривают дело так, как считают нужным, не имея организационных стимулов к осуждению лиц, чья вина, по их мнению, не была должным образом доказана.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБЩИЙ ОБЗОР

Предлагаемая глава носит обзорно-справочный характер и вводит читателя в общий контекст работы системы уголовного преследования в Республике Казахстан и в изменения, которые произошли в этой сфере в последние годы. Глава опирается преимущественно на нормативные документы и официальную статистику, с небольшим использованием исторических источников.

Вначале вниманию читателя предлагается формальное описание с небольшими комментариями от инсайдеров – затем общая траектория без анализа основных проблемных зон в практическом функционировании существующей модели.

2.1. Система уголовного преследования в РК после реформы 2014/15 годов: обзор ключевых изменений

До недавнего времени уголовный процесс Республики Казахстан во многом напоминал российский уголовный процесс с соответствующими институтами и стадиями прохождения дела. Однако в 2015 году начинается масштабный процесс реформирования, когда с введением в действие нового УПК РК трансформировались процессуальные стадии и появился ряд неизвестных ранее правовых институтов. Хотя с момента реформ прошло не так много времени, уже сейчас становится понятно, что нормативные изменения не повлекли за собой изменения реальных практик работы сотрудников правоохранительных органов и судов.

В данном разделе будут описаны основные произошедшие изменения и кратко представлены ключевые результаты полевого исследования – первые данные о практической имплементации произведенных нормативных изменений. Подчеркнем, что детальная структура движения дел и количественные характеристики частоты использования отдельных правовых институтов вынесены в следующий раздел данной главы. Цель настоящего раздела показать именно формальные правовые механизмы, которые были введены в структуру уголовного процесса Республики Казахстан.

Отмена стадии возбуждения уголовного дела (ВУД). В первую очередь следует отметить упразднение ВУД как отдельной процессуальной стадии и вытекающей из этого доследственной проверки сообщения о совершении уголовного правонарушения. В настоящее время момент возбуждения уголовного дела совпадает с моментом регистрации сообщения или заявления в электронной базе – Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР). Однако не все поступившие сообщения о совершении преступления (они регистрируются в Книге учета информации – КУИ) затем регистрируются в ЕРДР и становятся уголовным делом⁴³. В течение суток по сообщению или заявлению должно быть принято решение – имело ли место событие преступления и есть ли основания для регистрации в ЕРДР (на профессиональном сленге «еэрдэрить»)⁴⁴. Регистрацией занимается, как правило, дежурная часть по согласованию с заместителем начальника отдела полиции по след-

⁴³ Согласно п. 27 ст. 7 УПК РК уголовным делом считается обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и (или) судом по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений.

⁴⁴ Сходная система действует в Украине с 2012 года.

ствию. По большей части сообщений выезжает следственно-оперативная группа на место предполагаемого преступления. Если основания для внесения в ЕРДР отсутствуют, сообщение списывается в наряд (номенклатурное дело), хотя информация о нем остается в КУИ и сообщение может впоследствии быть поднято и зарегистрировано в ЕРДР (например, в случае успешного обжалования отказа в регистрации потерпевшим).

В первые годы существования данной системы (2012-2013 гг.) проводилась политика полной регистрации всех поступающих сообщений о преступлениях в ЕРДР, которая контролировалась под страхом уголовного преследования сотрудников за отказ в регистрации или сокрытие сообщения. В связи с этим наблюдался значительный всплеск регистрируемой преступности в Казахстане в первый период действия данной системы регистрации⁴⁵. Однако позднее система столкнулась с валом необоснованных сообщений о преступлениях, что заставило скорректировать политику тотальной регистрации сообщений. В особенности это касается сообщений о совершении экономических преступлений. Для решения этой проблемы прокуратурой были разработаны приказы⁴⁶, согласно которым при наличии признаков гражданско-правовых отношений (в частности, расписки в подтверждение займа, гражданско-правового договора) сообщение не подлежит регистрации в системе ЕРДР. В беседах сотрудники прокуратуры и правоохранительных органов подтверждают реальное существование практики, установленной приказами Генерального прокурора. В случае наличия документов заявителю разъясняется, что само по себе невыполнение обязательств не образует состава преступления и необходимо обращаться в суд с гражданским иском.

Кроме того, способом проверить обоснованность сообщения о совершении преступления до регистрации в ЕРДР является право в порядке ч. 5 ст. 181 УПК РК в течение трех дней направить материал для дополнительной проверки специалистами в тот или иной государственный орган, чем следователи по экономическим делам, насколько можно судить по качественным данным (интервью), довольно активно пользуются. Предельный срок такой проверки составляет один месяц.

Свидетель, имеющий право на защиту. При «старом» порядке, когда проводилась проверка сообщения до ВУД, лицо, в отношении которого осуществлялась данная проверка, хотя и обладало неопределенным процессуальным статусом, не проходило в качестве фигуранта уголовного дела, поскольку такового еще не существовало на этом этапе. В связи с упразднением стадии доследственной проверки возникла проблема процессуального статуса уже в рамках уголовного дела тех лиц, на которых было указано в сообщении о преступлении, но в отношении кого еще не вынесено постановление следователя о признании их подозреваемыми.

Для решения проблемы вводится институт свидетеля, имеющего право на защиту. Однако на практике это мало что изменило, т.к. в отношении этих лиц проводится весь комплекс следственных действий, но право на реабилитацию в случае прекращения дела по реабилитирующим основаниям они не имеют. Постулируется, что они не понесли ущерба в результате (необоснованного) уго-

⁴⁵ За 11 месяцев 2012 года уровень зарегистрированных преступлений в сравнении с аналогичным периодом прошлого года возрос на 46,7%. См. Пресс-релиз о состоянии преступности [Электронный ресурс] / Комитет по правовой статистике. 04.12.2012. <http://pravstat.prokuror.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-sostoyanii-prestupnosti-v-strane-za-11-mesyacev-2012-goda>.

⁴⁶ См. Приказы Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года №89, от 10 августа 2015 года №99, от 29 августа 2016 года №140.

ловного преследования, не будучи формально признаны подозреваемыми. Соответственно в случае прекращения уголовного дела, в котором лицо оставалось в статусе свидетеля, имеющего право на защиту, негативный показатель «нарушение конституционных прав граждан» (см. ниже) не применяется при оценке работы следователя. В справку о судимости / привлечении к уголовной ответственности информация о факте пребывания в статусе свидетеля, имеющего право на защиту, не попадает.

Оценить количественные характеристики использования этого института не представляется возможным, поскольку учет числа лиц, которым предоставлен статус свидетеля, имеющего право на защиту, не ведется. Однако на уровне качественных данных можно говорить о том, что этот институт функционирует, хотя и используется нечасто. В интервью следователи и прокуроры рассказывали о механизме его работы и приводили живые примеры. Однако все они относились к «особым» случаям – сложным делам, высокостатусным подозреваемым и т.д. То есть в обычных, рядовых, массовых делах этот институт не используется.

Важно понимать, что этот статус, насколько можно судить, не рассматривался авторами УПК РК как значимая новелла, которая должна реорганизовать весь процесс – стать заменой «подозреваемому». Так, данная новелла не вводится отдельной статьей УПК РК и не выделяется в качестве отдельного понятия в ст. 7 УПК, а приводится только в перечне «иных лиц, участвующих в уголовном процессе» – в ч. 24 поименованной статьи и детализируется в ч. 5-6 ст. 78 УПК. Можно предположить, что неширокое применение этого института объясняется его промежуточным статусом и сложностями с использованием показаний, полученных от свидетеля в этом статусе, которые отмечались юристами⁴⁷.

Следственный судья. В качестве отдельной процессуальной фигуры в Казахстане появился следственный судья. Основной функцией следственного судьи является контроль за соблюдением прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса⁴⁸, т.е. рассмотрение ходатайств и жалоб стороны защиты в ходе проведения досудебного расследования, депонирование доказательств, а также санкционирование меры пресечения для подозреваемого. Если ранее вопрос заключения под стражу рассматривался прокурором, сейчас порядок выглядит следующим образом: следователь подает ходатайство об избрании меры пресечения прокурору, тот при условии согласия с избранной мерой утверждает и направляет его для рассмотрения следственному судье. Несмотря на то что данная мера была направлена на снижение количества заключений под стражу, на практике (по замечаниям как адвокатов, так и сотрудников следствия) остался поверхностный подход к оценке оснований для заключения под стражу. По словам экспертов, в большинстве случаев прокурор заранее согласовывает ходатайство об избрании меры пресечения со следственным судьей, поэтому в большинстве случаев они удовлетворяются.

Кроме того, несмотря на особый процессуальный статус, организационно следственные судьи не стали независимым, отдельным институтом, поскольку в большинстве случаев эту роль поочередно, чаще всего по полгода, выполняют обычные судьи, рассматривающие уголовные дела.

⁴⁷ Каратаев Т.Ж. Некоторые вопросы процессуального статуса свидетеля, имеющего право на защиту // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016, 2(9): 113-118.

⁴⁸ Ст. 55 УПК РК.

В итоге среди адвокатского сообщества сложилось устойчивое мнение, что при прежнем порядке, когда вопрос меры пресечения решался прокуратурой, добиться положительного результата для своего подзащитного было даже проще.

Процессуальный прокурор. Введение фигуры процессуального прокурора было обусловлено стремлением прокуратуры подключить будущего государственного обвинителя к участию в досудебном расследовании с самого начала⁴⁹. Таким образом, процессуальный прокурор объединяет в себе и надзирающего прокурора, и государственного обвинителя, чьи функции обычно выполняют разные сотрудники прокуратуры. Процессуальный прокурор назначается по наиболее важным и резонансным делам, несет полную ответственность за ход следствия, передачу уголовного дела в суд и поддержание гособвинения. Это выражается в том числе в том, что обвинительный акт подписывает именно процессуальный, а не районный прокурор. Закрытого перечня дел, по которым должен назначаться процессуальный прокурор, нет, это всегда дискреция прокуратуры. Тем не менее в качестве показателя для районных прокуратур в 2017 году была установлена норма передачи в суд не менее 10% уголовных дел с участием процессуального прокурора⁵⁰.

Медиация в уголовном процессе. Относительно недавним нововведением стал институт медиации по уголовным делам. В отличие от сходного института примирения с потерпевшим (который широко использовался в Казахстане и до реформы), медиация предполагает целенаправленные действия медиатора по приведению сторон к достижению примирения в порядке медиации⁵¹. Однако к настоящему моменту данный институт не заработал в той мере, в какой изначально задумывался – стороны очень редко прибегают к услугам профессионального медиатора.

Уголовные проступки и протокольная форма. В рамках реформы некоторые категории преступлений были переведены в разряд уголовных проступков, чьи составы представляют меньшую общественную опасность. По данным уголовным правонарушением не предусмотрено лишение свободы в качестве наказания⁵². Для разрешения этих дел применяется упрощенная форма судопроизводства – протокольная форма. В этом случае производство дознания или предварительного следствия не обязательно и только собранные материалы являются основанием для рассмотрения дела в суде⁵³. В настоящее время уголовные проступки создают наибольший вал в структуре регистрируемой преступности, поэтому все чаще высказываются мнения о необходимости перевода некоторых составов в разряд административных правонарушений.

⁴⁹ Ч. 3 ст. 193 УПК РК.

⁵⁰ Несмотря на то что данная мера была направлена на повышение качества следствия и более строгую фильтрацию дел на досудебной стадии, на практике это часто приводит к обратному эффекту. Процессуальный прокурор далеко не всегда имеет возможность проконтролировать все следственные действия (все-таки он не заменяет следователя), однако постулируется, что по делам, где он участвует, был осуществлен более качественный контроль и они в любом случае должны уходить в суд. Эти обстоятельства снижают вероятность вынесения оправдательного приговора даже при наличии ошибок на стадии досудебного расследования.

⁵¹ Ст. 85 УПК РК.

⁵² Ст. 10 УК РК.

⁵³ Ч. 16 ст. 191 УПК РК.

Ускоренное досудебное расследование и процессуальное соглашение. Такая упрощенная форма производства как ускоренное досудебное расследование (УДР) применяется в отношении дел небольшой, средней тяжести и тяжким при условии полного признания вины обвиняемым и согласии с суммой ущерба. В порядке УДР рассмотрение дела происходит в течение 15 дней, следовательно *вправе* произвести только те действия, результаты которых фиксируют следы уголовного правонарушения и иные доказательства вины подозреваемого, обвиняемого⁵⁴. Таким образом, в рамках УДР возможен сбор минимального объема доказательств, что на практике, однако, не происходит. Прокурор часто боится и понуждает следователя проводить полноценный сбор доказательств, назначать экспертизы и т.д. на случай, если обвиняемый откажется в суде от признательных показаний. Судья в таком случае будет вынужден выносить решение по имеющимся доказательствам, поэтому он также заинтересован в наличии доказательств в материалах дела. В итоге целей процессуальной экономии ускоренное досудебное расследование, как правило, не достигает.

Процессуальное соглашение возможно в двух формах: сделка о признании вины (дела небольшой, средней тяжести и тяжкие) и сделка о сотрудничестве (особо тяжкие, совершенные организованной группой, составы по экстремизму и терроризму)⁵⁵. Согласие потерпевшего на заключение процессуального соглашения является обязательным условием. При этом обвиняемый имеет право отказаться от процессуального соглашения в любое время до удаления суда в совещательную комнату. Заметим, что по экспертным оценкам процессуальное соглашение (в отличие от ускоренного досудебного расследования) – это относительно редкая форма, не являющаяся доминирующей в практике.

Подводя итог важно отметить, что, как и в большинстве случаев, проведенная реформа не привела к радикальной перестройке системы уголовного преследования в Республике Казахстан. Многие новые институты были адаптированы прежними игроками к своим нуждам и привычным моделям работы. При этом, подчеркнем, мы не оцениваем этот факт как позитивный или негативный, мы лишь констатируем его и отмечаем, что при реформах больших структур с длительной историей это более или менее обычное явление.

2.2. Траектория уголовного дела: нормативная сторона и статистический учет

В настоящее время траектория уголовного дела выглядит следующим образом. При поступлении сообщения о совершении уголовного правонарушения оно в течение трех суток подлежит регистрации в ЕРДР или же принимается решение об отказе в регистрации при отсутствии признаков уголовного правонарушения. После регистрации в ЕРДР по электронным каналам связи не позднее 24 часов прокурору направляется уведомление. Далее по делу проводится досудебное расследование, предельный срок которого для дознания установлен в 1 месяц, для предварительного следствия – 2 месяца⁵⁶. На стадии досудебного расследования дело может быть прекращено как следователем, так и прокурором по обстоятельствам, исключающим производство по делу (отсутствие

⁵⁴ Ч. 5 ст. 190 УПК РК.

⁵⁵ Ст. 612 УПК РК.

⁵⁶ Ст. 192 УПК РК.

события уголовного правонарушения, состава, истечения срока давности привлечения и т.д.)⁵⁷ и обстоятельствам, позволяющим не осуществлять уголовное преследование (примирение, деятельное раскаяние и т.д.)⁵⁸. Если дело прекращается следователем, постановление о прекращении должно быть утверждено прокурором.

В случае отсутствия оснований для прекращения, материалы дела с обвинительным актом направляются прокурору для изучения и утверждения обвинительного акта, на что отведено 10 суток (трое суток в случае УДР). Прокурор, обнаружив недостатки досудебного расследования и невозможность направления дела в суд, может возвратить дело на дополнительное расследование. Это является негативным показателем работы следователя (подробнее см. ниже). Кроме того, прокурор обладает правом самостоятельно прекратить уголовное дело⁵⁹. Если же прокурор не находит оснований для возвращения дела на доследование или прекращения уголовного преследования, он составляет и подписывает обвинительный акт, после чего дело направляется в суд. После этого дело может быть прекращено судом по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям как в ходе предварительных слушаний, так и в ходе главного судебного разбирательства при отказе государственного обвинителя от обвинения. Если отказ не заявлен и оснований для прекращения не обнаружено, то суд выносит обвинительный либо оправдательный приговор.

Для дальнейшего понимания того, как работает система уголовной юстиции Республики Казахстан, необходимо разобраться с понятием «прекращение дела» отдельно. Наряду с уже описанными во Введении категориями оправдания / реабилитации нужно прояснить типы прекращений дел. В таблице 8 представлены основные возможные исходы.

Таблица 8. Содержательное наполнение категорий «прекращение дела» в практике уголовной юстиции Республики Казахстан

Лицо установлено		Лицо не установлено
Прекращение по реабилитирующим основаниям	Лицо было подозреваемым, но затем было реабилитировано / оправдано и получило право на компенсацию	В ходе расследования установлено отсутствие события / состава преступления ДО привлечения подозреваемого
Прекращение по нереабилитирующим основаниям	Произошло примирение или возникли другие подобные обстоятельства. Юридически фиксируется тот факт, что подозреваемый / обвиняемый / подсудимый виновен в преступлении / уголовном проступке	Истек срок давности или возникли другие подобные обстоятельства

Примечание: в таблице описаны массовые ситуации, маргинальные / редкие случаи не описываются.

Таким образом, дальнейшее описание будет строиться на анализе частотности различных видов прекращений по делам в которых лица были установлены и не были установлены, а также оправданий и реабилитаций (см. Введение).

⁵⁷ Ст. 35 УПК РК.

⁵⁸ Ст. 36 УПК РК.

⁵⁹ П. 11 ч.1 ст. 193 УПК РК.

Исследование движения преступления с момента его обнаружения правоохранительными органами или сообщения о нем до вынесения судебного решения является методологически сложной задачей по ряду причин.

Во-первых, такие исследования требуют кропотливой работы по анализу дезагрегированных данных о движении преступлений, когда каждое преступление является уникальным наблюдением и нам известны данные о всех стадиях и признаках этого преступления. В данном отчете мы использовали и агрегированные данные, и дезагрегированные базы, предоставленные Генеральной прокуратурой Республики Казахстан. В каждом случае указан тип используемых данных. Из-за работы с разными источниками могут наблюдаться небольшие расхождения.

Во-вторых, на каждой стадии движения преступлений правоохранительные органы используют разные единицы учета. В случае Республики Казахстан сначала это сообщения о преступлении, которые в некоторых случаях становятся зарегистрированными преступлениями – уголовными правонарушениями, которые затем трансформируются в уголовные дела. Несколько сообщений могут касаться одного преступления (уголовное правонарушение), а несколько последних могут составлять одно уголовное дело. По одному уголовному правонарушению или уголовному делу могут проходить несколько подозреваемых и подсудимых соответственно. Кроме того, в отношении подозреваемого могут одновременно расследоваться несколько уголовных дел, он может обвиняться в совершении большого количества разных преступлений.

Кроме того, сам процесс статистического учета преступлений в Республике Казахстан имеет две важных для нас характеристики: он основан на идее отчетного периода, а одна и та же единица учета может несколько раз попадать в разные графы с данными. Отчетный период предполагает, что какое-то количество преступлений остается с прошлого года и попадает в статистику за текущий год (а какие-то, наоборот, остаются на следующий год). Вдобавок, поскольку мы анализируем данные за 2016 год, могут быть расхождения, например, между зарегистрированными преступлениями, попавшими на стадию досудебного расследования, и преступлениями, попавшими с досудебного расследования в суд, просто из-за того, что первые «старше» и приходят с прошлого 2015 года.

Множественный учет преступлений предполагает, например, что если преступление было отправлено в суд, возвратилось на доследование и было приостановлено, то в агрегированных данных мы будем иметь три наблюдения, а не одно. Из-за этого точные соотношения количества преступлений на разных стадиях движения невозможны. Однако для целей этого отчета мы можем примерно оценить соотношения потоков преступлений на разных стадиях траектории уголовного дела.

Тем не менее необходимо отметить, что существующие статистические данные о работе правоохранительных органов, как агрегированные, так и дезагрегированные, позволяют относительно полноценно реконструировать всю траекторию движения уголовных дел в Республике Казахстан.

2.3. Траектория уголовного дела в статистике: работающие и не работающие правовые институты

В Республике Казахстан можно выделить три большие стадии в траектории работы по сообщению о преступлении. Первая – от момента обнаружения / сообщения о преступлении до его регистрации, вторая – с момента регистрации до момента ухода уголовного дела в суд, и третья – с момента прихода уголовного дела в суд до вынесения судебного решения. Разберем их подробнее.

На первой стадии происходит первичный контакт правоохранительных органов со следами преступления. Это происходит через Книгу учета информации (КУИ), централизованную информационную систему, являющуюся частью системы Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР). В 2016 году в Республике Казахстан было зарегистрировано около 2,5 миллионов сообщений КУИ⁶⁰, около 1 миллиона из них составляли сообщения ЦОУ (центров оперативного управления – дежурных частей), примерно 600 тысяч – письменные и устные заявления физических и юридических лиц, около 500 тысяч – рапорты должностных лиц, 260 тысяч – сообщения должностных лиц и организаций, и все остальные (около 140 тысяч), такие как, например, сообщения в СМИ (всего около 400 за год), явка с повинной (около 4 тысяч) и заявления неустановленных лиц (около 10 тысяч).

По всем таким сообщениям правоохранительные органы должны принять решение о дальнейшем движении сообщения в порядке статьи 179 УПК РК. Из 2,5 миллионов сообщений 500 тысяч становятся преступлениями или уголовными проступками (далее обе эти категории для простоты будут называться преступлениями), зарегистрированными в ЕРДР, около 1,2 миллионов списываются в номенклатурное дело (то есть не становятся преступлениями и уходят в архив), 300 тысяч были направлены в уполномоченный орган (но это не передача заявления по подведомственности внутри системы уголовной юстиции – например, в органы следствия из органов дознания), 180 тысяч были приобщены к КУИ или ЕРДР (то есть произошло слияние двух сообщений или преступлений в одно). Еще 70 тысяч сообщений направляются в суд в порядке частного обвинения и 160 тысяч передаются по подведомственности или территориальности. Также существует опция для дополнительной проверки по преступлению, поскольку решения по 4% всех сообщений о преступлении принимается дольше 24-часового срока: эта опция – направить данные о преступлении в уполномоченный государственный орган в порядке части 5 статьи 181 УК РК для дополнительной экспертизы.

Что мы имеем на выходе первой стадии? Из 2,5 миллионов сообщений получается примерно 500 тысяч преступлений, зарегистрированных в ЕРДР. Важно, что на этой стадии не может измениться правовой статус лица так, что впоследствии у него возникнет право на реабилитацию. То есть говоря об оправданных и реабилитированных, эту стадию мы, в целом, можем оставить за скобками.

Рассмотрим следующую, **вторую стадию** траектории сообщения о преступлении – стадию досудебного расследования. Единицей учета здесь являются уже уголовные правонарушения, а не сообщения или рапорты о преступлении (то есть два соединенных сообщения из КУИ здесь уже рассматриваются как одна запись в ЕРДР). Всего в 2016 году было зарегистрировано 361 тысяча уголовных

⁶⁰ Здесь и далее приводимые данные по Республике Казахстан взяты из информации, которую предоставил Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

правонарушений. С ними работают два типа органов – следственные органы и прокуратура. Есть несколько возможных сценариев дальнейшего движения уголовных правонарушений: они могут быть направлены в суд (таких 68 тысяч), прекращены по реабилитирующим основаниям⁶¹ (таких 188 тысяч) и прекращены по всем остальным основаниям⁶² (79 тысяч). При этом очень важно понимать, что прекращение вообще не предполагает, что по этому делу было установлено лицо. Например, если в ходе расследования до установления лица устанавливается отсутствие события или состава преступления, то расследование прекращается и попадает в соответствующую учетную категорию. Если срок давности истекает по преступлению, по которому лицо так и не было установлено, то расследование также прекращается. Кроме того, такие преступления могут остаться на этой стадии в связи с прерванными сроками расследования (в России такие называются «висяки» – это преступления, дальнейшее расследование по которым невозможно), и за 2016 год таких 213 тысяч. Из них 211 тысяч⁶³ связаны с неустановлением лица, совершившего преступление, это число включает как преступления за отчетный год, так и за все предыдущие. Более подробно структура исходов досудебных расследований рассмотрена ниже, однако с точки зрения статистики подтверждается идея о наличии сильного «отсева» на досудебной стадии, поскольку число прекращений расследований преступлений по реабилитирующим основаниям почти в три раза больше, чем число преступлений, направленных в суд.

Если мы возьмем дезагрегированную статистику, то увидим, что процессуальные решения в отношении конкретных лиц, которые побывали в статусе подозреваемого, распределены принципиально иначе (см. таблицу 9).

Мы видим, что наиболее вероятный исход – это примирение с возмещением ущерба – 53% всех процессуальных решений. На втором месте – утверждение обвинительного акта в том или ином виде и направление в суд. Возврат дела следователю здесь не рассматривается, так как не является окончательным решением. По его итогам дело будет либо прекращено на следственной стадии и соответствующее процессуальное решение будет утверждено прокурором и попадет в соответствующую графу статистики, либо будет направлено в суд. Справка КПСиСУ показывает, что из 91 дел на 320 преступлений, возвращенных прокурору в порядке ст. 323 (то есть по причинам, отличным от розыска подозреваемого), дела по 266 преступлениям направлены в суд, 35 – прекращено по нереабилитирующим основаниям, 5 – прекращены по реабилитирующим основаниям, 7 – прерваны сроки расследования, 7 – остаются в производстве.

⁶¹ Пункты 1, 2, 5, 6, 7, 8 части 1 статьи 35 УПК РК: отсутствие события или состава преступления, жалобы потерпевшего, отмена уголовной ответственности в связи с новым законодательством, уже имеющийся приговор или судебное постановление по тому же обвинению, постановление о прекращении уголовного преследования по тому же обвинению. К сожалению, все эти основания для исключения производства по уголовному делу являются единой графой в статистических таблицах.

⁶² Пункты 3, 4, 9, 10, 11, 12 части 1 статьи 35 УПК РК: амнистия, истечение срока давности, невменяемость подозреваемого, привилегии или иммунитет от уголовного преследования, смерть подозреваемого и основания для освобождения от уголовной ответственности.

⁶³ Эти цифры отличаются от цифр в предыдущем абзаце, поскольку выше приводятся данные без учета преступлений прошлых лет.

**Таблица 9. Распределение процессуальных решений по преступлениям, Республика Казахстан,
2016 год, в лицах**

<i>Категория</i>	<i>Основание</i>	<i>Количество</i>	<i>Процент</i>
Обвинение/направление дела в суд		43976	37,36
	утверждение протокола об уголовном проступке прокурором и направление в суд	7901	6,7
	утверждение поступившего обвинительного акта прокурором и направление в суд	23621	20,1
	утверждение поступившего обвинительного акта в порядке УДР прокурором и направление в суд	9489	8,1
	составление нового обвинительного акта и направление в суд	270	0,2
	в суд после сделки о признании вины (без обвинительного акта)	2529	2,1
	направление в суд для применения принудительных мер медицинского характера	166	0,1
Прекращение по нереабилитирующим основаниям		73312	62,29
	смягчающие для военнослужащих	10	<0,1
	Примирение	25	<0,1
	Невменяемость	38	<0,1
	истечение срока давности	1147	1
	деятельное раскаяние	815	0,7
	выполнение процессуального соглашения	108	0,1
	в отношении умершего	1089	0,9
	Амнистия	3589	3
	примирение (с возмещением ущерба) с раскаянием в отношении интересов общества	577	0,5
	примирение (с возмещением ущерба) для несовершеннолетних, беременных и т.д. + медиация	58	<0,1
	примирение (с возмещением ущерба) для несовершеннолетних, беременных и т.д.	257	0,2
	примирение (с возмещением ущерба) + медиация	3223	2,7
	примирение (с возмещением ущерба)	62376	53
Прекращение по реабилитирующим основаниям		146	0,12
	отсутствие состава	124	0,1
	отсутствие события	4	<0,1
	отсутствие жалобы или отказ от обвинения	8	<0,1
	отмена уголовной ответственности	7	<0,1
	имеющийся приговор по тому же обвинению	2	<0,1
	другой набор оснований, ст. 518 УК РК	1	<0,1
Движение или приостановление расследования		265	0,23
Всего		117699	100

Источник: данные КПСuСУ

Шансов на реабилитацию на этой стадии у подозреваемого фактически нет – все реабилитационные исходы составляют 0,12% всех процессуальных решений, принятых в отношении конкретных лиц. Однако прокуратура Республики Казахстан и следственные органы широко пользуются инструментом примирений (таблица 9).

Наконец, перейдем к **третьей стадии** траектории сообщения о преступлении – судебному разбирательству. В 2016 году в судах Республики Казахстан было окончено 48 943 уголовных дела (по которым подсудимыми проходили порядка 56 тысяч человек). Исходы этих судебных разбирательств распределяются следующим образом: по 27 тысячам дел был вынесен приговор, 16,5 тысяч дел были прекращены (из них почти 12 тысяч – по примирению сторон, и 3 тысячи – по реабилитирующим основаниям), 3 973 дела были возвращены прокурору (подавляющее большинство из них – по причине розыска подсудимого).

Таблица 10. Статистика исходов дел частного и публичного обвинения в суде

<i>Исход судебного разбирательства</i>	<i>Частное обвинение</i>	<i>Публичное обвинение</i>
Осуждения	22%	63%
Прекращения за примирением	20%	25%
Прекращение с реабилитацией и оправдания	45%	0,05%
Остальные прекращения	8%	2%
Возврат дела прокурору	4%	9%
Количество дел	7 368	41 261

Источник: официальная статистика ВС РК

Важным различием здесь выступает деление на дела частного и публичного обвинения. Если в делах частного обвинения истец – физическое лицо – должен самостоятельно доказывать виновность ответчика и обвиняемого, то в делах публичного обвинения сторону обвинения представляет сотрудник прокуратуры, а по делу велось досудебное расследование. Если сравнить исходы судебных разбирательств, то мы заметим большую разницу в количестве осуждений и прекращений дел с реабилитацией подсудимого: дела частного обвинения в 22% случаев заканчиваются осуждением и гораздо чаще (в 45%) – прекращением дела с реабилитацией, а дела публичного обвинения приводят к осуждению в двух из трех случаев (63%), а доля исходов с реабилитацией подсудимого ничтожно мала (таблица 10).

И на досудебной, и на судебной стадиях мы видим весомую долю прекращений расследования и судебного разбирательства по основаниям, которые являются реабилитирующими: на досудебной стадии таких половина (и только 1/6 часть преступлений в отношении 1/3 лиц уходит в суд), а на судебной – около 6%. Однако реабилитация на судебной стадии связана исключительно с делами частного обвинения, по делам публичного обвинения она практически невозможна. Прекращения же на досудебной стадии связаны с прекращением дел, по которым не установлено лицо. Таким образом, **если мы говорим об уровне реабилитации лиц, то это ситуация, которая фактически не наблюдается в ходе досудебного и судебного этапа работы системы криминальной юстиции в Республике Казахстан.**

При этом из изложенного отнюдь не следует, что суды Республики Казахстан склонны строго наказывать подсудимых. Мы видим большую долю прекращения дел по нереабилитирующим основаниям в отношении конкретных лиц, а также сдержанное использование такой санкции, как реальное лишение свободы (таблица 11). Как мы видим, после того, как более половины дел (по делам, где установлено лицо), прекращается по нереабилитирующим основаниям на досудебной стадии, а затем еще около четверти прекращается по нереабилитирующим основаниям в судах, из оставшихся к лишению свободы осуждается менее 40% осужденных. Мы проанализировали структуру наказаний по наиболее частотным преступлениям (в таблице 11 представлены по убыванию частоты).

Таблица 11. Виды наказаний по наиболее распространенным преступлениям

Статья УК РК	Лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Общественные работы	Другое	Всего
Все	39%	31%	16%	14%	1%	100%
Кража	43%	56%	0%	0%	1%	100%
Незаконное обращение с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, прекурсорами без цели сбыта	17%	1%	29%	52%	0%	100%
Грабеж	29%	70%	0%	0%	1%	100%
Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, а равно передача управления транспортным средством такому лицу или допуск к управлению транспортным средством такого лица	1%	0%	49%	48%	1%	100%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	45%	54%	0%	0%	1%	100%
Мошенничество	77%	21%	1%	0%	0%	100%
Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами	63%	11%	12%	14%	1%	101%
Незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов	97%	0%	1%	0%	1%	100%
Убийство	94%	2%	0%	0%	4%	100%
Разбой	88%	11%	0%	0%	1%	100%
Хулиганство	25%	71%	2%	1%	2%	100%

Источник: официальная статистика ВС РК

Если говорить о том, к каким именно срокам лишения свободы приговариваются осужденные в Республике Казахстан, то мы увидим, что доминируют средние по длительности сроки (таблица 12). Практически отсутствуют короткие сроки лишения свободы – до года. Основная масса осуждается

к лишению свободы на срок от 1 до 5 лет – 70%. Еще 23% - к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет.

Это позволяет говорить об относительной гуманности судебной практики в части назначения длительности наказаний в виде реального лишения свободы.

Таблица 12. Сроки реального лишения свободы в 2016 году

<i>Срок лишения свободы</i>	<i>Количество приговоров</i>	<i>Процент</i>
До 1 года	241	1
От 1 года до 3 лет	6810	33
От 3 до 5 лет	7550	37
От 5 до 7 лет	3437	17
От 7 до 10 лет	1283	6
От 10 лет	1255	6
Всего	20576	100

Источник: официальная статистика ВС РК

Кроме того, чтобы оценить количество оправданий, необходимо обратить внимание на количество изменений / отмен приговоров в вышестоящих судах. Такая статистика доступна по апелляционному обжалованию. Рассмотрим только апелляционные жалобы без апелляционных протестов, то есть исключая обращения в вышестоящий суд стороны обвинения (по закону прокурор имеет право обжаловать приговор в связи с его излишней суровостью или другим нарушением прав обвиняемого, однако эксперты полагают, что на практике это очень редкое явление). Тогда мы увидим, что обжалуется 13 % решений суда первой инстанции (по числу лиц) и 2,3% от числа обжалованных отменяются – в сумме это дает нам 0,3% всех приговоров, которые отменяются вышестоящей инстанцией в связи с обжалованием со стороны защиты / других лиц (всех, кроме прокуроров). При этом статистика (таблица 13) показывает нам, что для более тяжких преступлений процент обжалований выше, но вероятность отмены / изменения ниже.

Таблица 13. Результаты рассмотрения апелляционных жалоб на приговоры по уголовным делам по категориям тяжести, 2016 год

<i>Категория правонарушения</i>	<i>Сколько лиц поступило в суд первой инстанции по уголовным делам</i>	<i>Доля апелляционных жалоб от количества поступивших лиц</i>	<i>Доля отмененных приговоров в апелляции от количества жалоб</i>
небольшой тяжести	5395	8%	6,5%
средней тяжести	16311	5%	2,1%
тяжкие	14860	28%	1,6%
особо тяжкие	2003	61%	1,1%

Источник: официальная статистика ВС РК

Таким образом, даже если бы мы предположили, что все отмененные по ходатайству стороны защиты приговоры отменялись / изменялись с постановлением оправдательного приговора, уровень оправданий все равно остался бы очень низким. Однако статья 431 УПК РК позволяет суду апелля-

ционной инстанции отменять обвинительный приговор с постановлением нового обвинительного приговора, направлением дела на новое рассмотрение и т.д. При этом важно отметить, что в 2017 году в кассационной инстанции было отменено 10 обвинительных приговоров с реабилитацией лица. Это большая доля от всех решений судов кассационной инстанции, но небольшая от всех решений, вступивших в законную силу. Однако это позволяет надеяться на постепенное изменение тенденции.

Подводя итог, можно говорить о том, что система уголовной юстиции в Республике Казахстан относительно гуманна, но категорически не приспособлена к тому, чтобы оправдать / реабилитировать человека, которому однажды было объявлено о подозрении.

2.4. Эффекты колеи – наследие социалистической системы уголовной юстиции и «палочная система»

Чтобы понимать общую механику работы правоохранительной системы в Республике Казахстан, важно знать общую логику работы постсоциалистических систем уголовной юстиции.

Действовавшая в Советском Союзе модель уголовной юстиции была унифицированной во всех республиках. По состоянию на конец 1991 года все страны бывшего СССР имели фактически одинаковые системы уголовной юстиции и единое судоустройство. Назовем ключевые особенности этой системы.

- Выделение следственных органов как отдельной структуры, стоящей между государственным обвинением и полицейскими детективами (оперативными сотрудниками милиции). Несмотря на то, что часть следствия была частью Прокуратуры, в реальности это предполагало фактическое снятие с государственного обвинения ответственности за качество доказывания по уголовному делу и перенос этой ответственности на предыдущую стадию.
- Унификация и централизация (каждая республика получила totally централизованные органы уголовного преследования, полностью замыкающиеся на уровень страны) и вытекающая из этого ориентация на формализованные показатели с элементами планирования.
- Относительно слабая и подчиненная роль судов, низкий уровень состязательности.
- Слабость адвокатуры, в том числе низкий уровень юридической подготовки адвокатов и низкий уровень профессиональной защиты подозреваемых на досудебной стадии.

Все бывшие социалистические страны предпринимали меры к преодолению этих проблем. Общим было введение в процессуальные кодексы принципов состязательности, расширение прав на защиту, сокращение полномочий прокуратуры, повышение формальной независимости судов. Однако подавляющее большинство этих мер предполагало в первую очередь корректировку нормативной базы, а программы реформ не предусматривали эмпирических критериев успешности производимых изменений.

Еще одной важной чертой было сохранение централизованных правоохранительных органов и следствия как отдельного структурного подразделения (часто – с выводом его вообще из состава Прокуратуры). То есть полиция (милиция) по-прежнему работала в режиме, когда низовые подразделения ориентируются на формальные показатели, а за доказывание вины ответственен следова-

тель, фактические же полномочия гособвинителя очень невелики. Кроме того, практически все страны пошли по пути последовательных трансформаций – то есть масштабного обновления кадров не происходило, и старшее поколение сотрудников и руководителей, социализировавшееся в советской системе, транслировало привычные практики и технологии работы. За счет же централизации и унификации правоохранительных систем в каждом независимом государстве не было возможностей для возникновения «очагов изменений» – все реформы проводились только на национальном уровне.

В этой ситуации централизованные реформы достаточно успешно поглощались на низовом уровне через адаптацию формального языка к существующим практикам работы. Возможность же передавать неформальные сигналы была весьма ограниченной. Например, руководство страны стремится показать, что оправдание – это нормально. Чтобы такой сигнал был воспринят, должно случиться несколько событий, когда оправдание есть, но никого за это не наказали. В ситуации же, когда само оправдание – это крайне редкое событие, сигнал просто не проходит, так как информация о самих случаях оправдания не доходит до рядовых исполнителей, не говоря уже про информацию о последствиях для тех, кто за эти оправдания ответственен. В результате для обычного сотрудника работа по старой модели представляется более безопасной в плане собственных карьерных перспектив, так же как и для руководителей низового уровня.

Соответственно, как показывает Алексей Трошев⁶⁴, доля оправданных неуклонно сокращалась, с небольшими колебаниями. Так, с 2010 по 2016 по всем делам она сократилась почти вдвое. Промежуточные институты, такие как суд присяжных, которые должны были бы снизить «обвинительный уклон» во многих постсоциалистических юрисдикциях, действительно показывали более высокий уровень оправданий (10,7⁶⁵% в 2016 по данным той же работы Алексея Трошева). Однако масштабы использования этого института ничтожны – в 2016 году с участием присяжных заседателей были рассмотрены дела в отношении 75 подсудимых.

Важным элементом, который унаследовала уголовная юстиция Республики Казахстан и который с годами, как и в других юрисдикциях бывшего СССР, играл все большую роль, является т.н. «палочная система». Сильнее всего она работает на уровне полиции, но также существенна ее роль в прокуратуре и, в некоторой степени, в судах. Несмотря на то что в данном отчете мы вынуждены опираться преимущественно на качественные данные, есть некоторые яркие подтверждения существования палочной системы и на уровне дезагрегированной статистики (рисунки 1 и 2).

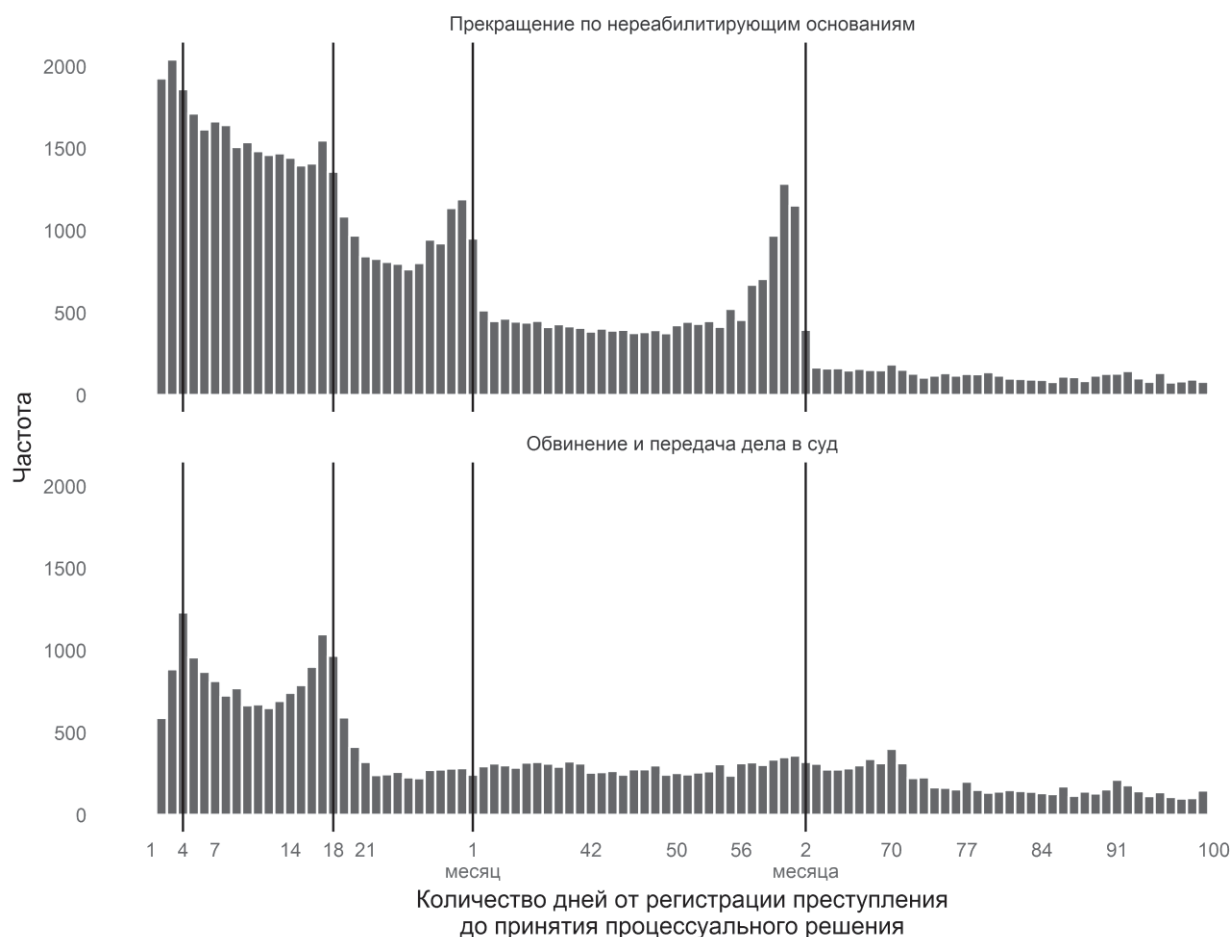
На рисунке 1 мы видим логичную специфику работы полиции и прокуратуры в части принятия процессуальных решений. Мы видим, что ближе к каждому процессуальному сроку следователи и дознаватели стараются закончить производство по делу, особенно когда речь идет о прекращении дел. Это вполне логично – с одной стороны полиция стремится максимально использовать отпущенное время, с другой – не продлевать сроки расследования и уложиться в установленные законом рамки. Это логично и говорит об относительно добросовестной работе. Больше того, более серьезные выбросы по делам, которые прекращаются по нереабилитирующим основаниям, чем по

⁶⁴ Alexei Trochev, *Between Convictions and Reconciliations: Processing Criminal Cases in Kazakhstani Courts*, 50 Cornell Int'l L.J. 107, 146 (2017).

⁶⁵ В самой работе из-за арифметической ошибки указано 12%.

делам, которые направляются в суд, позволяют говорить о том, что следствие и дознание более склонно заботиться о соблюдении формальностей там, где дело не направляется в суд, и более следовать содержательной логике там, где дело направляется прокурору с обвинительным актом или обвинительным заключением.

Рисунок 1. Распределение продолжительности расследования в зависимости от процессуального решения

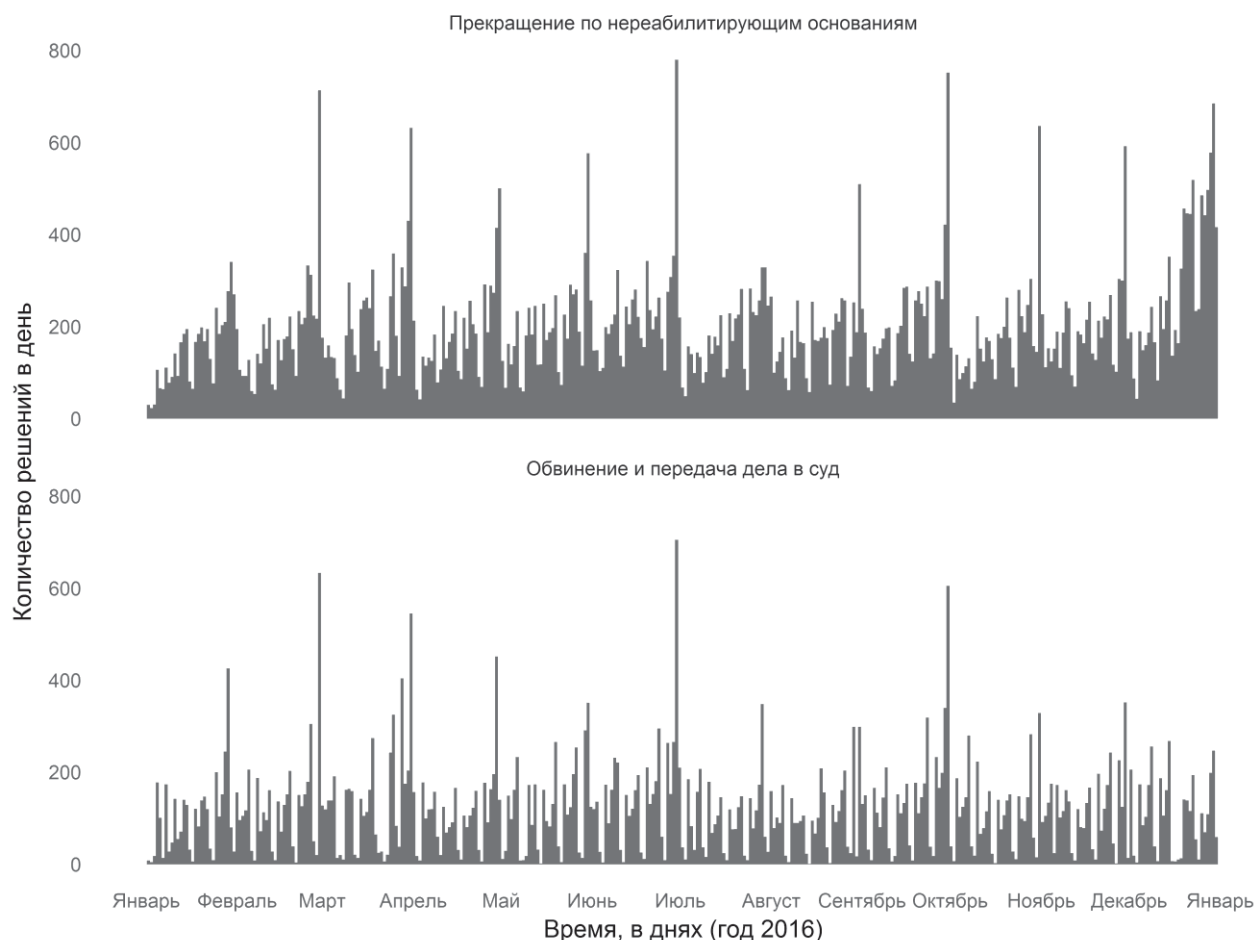

Источник: данные КПСусУ

Однако на рисунке 2 показана другая часть логики этой работы. По оси X на рисунке отложены календарные дни. Как это ни удивительно, мы видим огромные всплески по количеству дел, процессуальное решение по которым принято в последние дни месяца. Почему-то именно в последние дни месяца следователи и дознаватели массово принимают процессуальные решения по делам.

Объяснение таким пикам может быть только одно: конец месяца – это конец отчетного периода, и органы предварительного расследования для улучшения показателей месяца стремятся завершить производство по уголовному делу к концу отчетного периода. Поэтому чем важнее отчетный период, тем существеннее пики – так мы видим выделяющиеся квартальные и полугодовые пики, которые еще выше месячных.

Рисунок 2. Даты принятия процессуального решения

Источник: данные КПСиСУ

Это массово подтверждается качественными данными – сотрудники полиции, прокуратуры, адвокаты подтверждают, что руководство правоохранительных органов в ежемесячном (по некоторым свидетельствам иногда – в еженедельном, иногда – в ежеквартальном) режиме отслеживает такие показатели, как направление дел в суд, прекращение, раскрываемость в той или иной форме. По итогам этого мониторинга могут приниматься формальные и неформальные дисциплинарные меры к руководителям низовых подразделений и сотрудникам.

Практика оценки низовых руководителей по показателям их работы – не уникальная ситуация Республики Казахстан и не уникальная ситуация постсоциалистических юрисдикций. В любой относительно крупной полицейской структуре возникает похожая практика. Однако важно понимать, что такие системы могут работать с разной степенью жесткости. Постоянное снижение количества оправданий / реабилитаций и столь значимые пики в конце месяца говорят о том, что в Казахстане эта система работает максимально жестко, практически исключая возможность «поправок», «учета реальности» и т.д. со стороны руководства. Также в ходе интервью озвучивались очень жесткие меры – вплоть до увольнения руководителя следственного подразделения и следователя, которые допустили реабилитацию или оправдание (формально – допустили привлечение к ответственности лица, которое впоследствии было оправдано или реабилитировано).

Такая же система существует, по отзывам, в прокуратуре, хотя и со своей спецификой. Там важнейшим показателем является «нарушение конституционных прав граждан», в качестве которого трактуется привлечение к уголовной ответственности с последующей реабилитацией (в терминах прокуратуры – необоснованное привлечение к уголовной ответственности). Именно эти факты вызывают наиболее существенные дисциплинарные меры по отношению к работникам прокуратуры, в зоне ответственности которых они имели место.

Таким образом, можно говорить о том, что формально-статистические методы оценки правоохранительных органов не только сохранились с советских времен, но и усилились, несмотря на декларации, указывающие на отход от подобной практики.

Историческая колея создает существенные препятствия для поступательных реформ, особенно таких, которые направлены на изменение практики работы, но при этом действуют в основном через изменение законодательной базы.

ГЛАВА 3. ПРАКТИКА РАБОТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ИСТОЧНИК НИЗКОГО КОЛИЧЕСТВА ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ

Данная глава презентует результаты проведенного полевого исследования и анализа статистики. Цель главы – описать практику работы правоохранительных органов не в нормативном, а в эмпирическом ключе. То есть показать, как существующие правовые институты работают на практике. Ведь для каждого правового института можно предложить довольно большой набор вариантов организационного и технического исполнения. Понимание того, как именно в конкретных исторических условиях реализована технология работы системы уголовной юстиции, – важнейшая предпосылка ее дальнейшего развития.

При этом основным фокусом главы является проблема числа оправданий, поэтому глава выстроена через последовательное описание правоприменительных практик, которые создают ситуацию, когда количество оправданных и реабилитированных в судах и правоохранительных органах крайне невелико. Первый раздел задает общую логику, и затем последовательно разбираются отдельные механизмы и их функционирование в разных условиях. Общий итог – описание совокупности условий, которые обеспечивают существующий уровень оправданий и реабилитации, – подводится в Заключение.

В этой главе мы рассматриваем практику работы правоохранительной системы, опираясь на несколько предпосылок.

Во-первых, в рамках системы уголовной юстиции всегда есть два возможных трека, по которым двигаются дела. Одна категория – это дела очевидные и простые, в которых установление подозреваемого и доказывание его вины не требуют больших усилий. И здравый смысл и система ведомственной отчетности (о которой ниже) подталкивают полицейских заниматься именно такими делами в первую очередь. По ним очень высока доля подозреваемых и подсудимых, признавших вину. По ним доля оправданий и реабилитаций и должна быть чрезвычайно низкой, потому что подозреваемый привлекается к ответственности в условиях очевидности преступления, а если возникают сомнения, то полиция всегда может перейти к работе над более очевидным делом. Параллельно существуют малочисленные, но сложные дела (опасные, резонансные и т.д.). По этим делам также ведется работа, но в силу самой их природы количество оправданий там должно быть гораздо больше. Для этих двух потоков механика возникновения сверхмалого числа оправданий должна быть разной, и рассматриваем мы их отдельно.

Во-вторых, низкий уровень оправданий и реабилитаций не задается каким-то единственным фактором, он является продуктом сложной констелляции практик и правовых институтов. Поэтому в этой главе мы подробно рассматриваем целый ряд правовых механизмов в их практической реализации.

В-третьих, мы понимаем, что сложившаяся ситуация формируется не столько правовыми нормами, сколько технологиями конкретной работы и механизмами оценки подразделений, руководителей и конкретных сотрудников. От Советского Союза Республика Казахстан унаследовала централизо-

ванную правоохранительную систему с системой оценки каждого сотрудника и подразделения через количественные показатели. Несмотря на то что в относительно небольшой юрисдикции сохранение такой системы не было неизбежным, до 2015 года правоохранительные и судебные органы развивались по этой модели. В этом случае возникает очень сильное закрепление конкретных стимулов и показателей. Если на протяжении четверти века оправдание и реабилитация считаются самым серьезным сбоем в работе, то их количество неизбежно будет падать, а система – изобретать все новые и новые способы предотвращения оправданий и реабилитаций. По сути, на достижение нынешнего состояния работала вся правоохранительная система последние 25 лет, и ожидать моментальных изменений довольно сложно. Страх оправдания / реабилитации является едва ли не основной силой, которая определяет, какие именно решения будут приниматься сотрудниками.

В-четвертых, как уже говорилось, для того чтобы развивать некоторую практику, эта практика должна существовать. Если у рядового сотрудника есть возможность наблюдать в непосредственной близости, как происходит некоторое событие, а ожидаемых негативных последствий не наступает, то он принимает этот опыт как руководство к действию. Если же такой возможности нет (как в случае с оправданиями и реабилитациями в Казахстане), то изменение ситуации становится на порядок более сложным.

Именно с этих позиций мы и будем ниже разбирать существующие треки движения уголовных дел и отдельные правовые институты в их реальном воплощении.

3.1. Простые дела и невозможность оправдания

Как и во всем мире, правоохранительные органы Республики Казахстан в большинстве случаев имеют дело с относительно простыми и очевидными делами, которые относятся к небольшому количеству составов. Полевые исследования и экспертные оценки сотрудников правоохранительных органов полностью подтверждают этот тезис.

Если обратить внимание на то, какие именно уголовные правонарушения составляют эту статистику, то мы обнаружим, что 10 статей УК РК по числу лиц, привлеченных к ответственности, покрывают больше почти 85% всех совершаемых преступлений, из них почти 60% - кражи (таблица 14).

Это распределение объясняется и объективной структурой уголовных посягательств и поведением жертв. Многие составы преступлений для потерпевшего неочевидны (например, человек с легкостью может не понимать, что стал жертвой самоуправства – то есть некоторые решения в отношении него принимало лицо, не имеющее соответствующих полномочий). Еще значительная часть преступлений может стигматизировать жертву (например, предпринимательской репутации может быть нанесен ущерб тем фактом, что человек стал жертвой мошенничества, а неформальной репутации молодого мужчины – фактом обращения в правоохранительные органы по факту побоев). Кроме того, существуют и преступления без жертвы (например, все наркотические), которые регистрируются не по факту обращения граждан, а по факту выявления преступления правоохранительными органами, возможности которых объективно ограничены. Существует также практика ограниченной регистрации преступлений, однако, насколько можно судить, в последнее время острота этой проблемы в Республике Казахстан падает. Так, на стыке объективной структуры пре-

ступности и поведения жертв рождается статистика зарегистрированных преступлений, 83% которых попадают на 10 самых распространенных составов.

Таблица 14. 10 преступлений, по которым было привлечено к ответственности наибольшее количество лиц в 2016 году

Квалификация преступления	Количество расследуемых преступлений в 2016 году	Количество привлеченных подозреваемых в 2016 году	Доля преступлений, в которых привлечен подозреваемый	Доля от общего количества преступлений в расследуемых преступлениях в 2016 году
Кража (ст.188)	235 230	47 548	20%	57,50%
Мелкое хищение (ст.187)	17 240	9 109	53%	4,20%
Хулиганство (ст.293)	15 552	8 055	52%	3,80%
Мошенничество (ст.190)	36 836	7 534	20%	9%
Грабеж (ст.191)	12 396	5 931	48%	3%
Незаконное обращение с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, прекурсорами без цели сбыта (ст.296)	6 820	4 420	65%	1,70%
Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами (ст.345)	5 548	3 861	70%	1,40%
Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, а равно передача управления транспортным средством такому лицу или допуск к управлению транспортным средством такого лица (ст.346)	3 017	2 828	94%	0,70%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	2 544	2 141	84%	0,60%
Самоуправство (ст.389)	4 476	1 991	44%	1,10%
Итого по топ-10	339 659	93 418		
Всего	408 775	117 699		71,1%

Источник: данные КПСиСУ

Если обратить внимание на то, как распределены исходы расследования этих преступлений, мы обнаружим, что исходы сильно варьируются в зависимости от типа преступления. Чаще всего в суд уходят преступления, связанные с наркотиками, и в сфере дорожного движения. Они же чаще всего оканчиваются прекращением расследования по реабилитирующим основаниям. Важно понимать, что прекращение дела по реабилитирующим основаниям далеко не всегда подразумевает, что расследование было прекращено в отношении конкретного подозреваемого. В ходе расследова-

ния отсутствие состава или события преступления может быть выявлено и по делу, в котором подозреваемый на момент прекращения не установлен.

Таблица 15. Статистика выбранных процессуальных исходов 10 самых часто расследуемых уголовных правонарушений в 2016 году в Республике Казахстан по числу дел

Квалификация правонарушения	Всего зарегистрировано в 2016 году	Направлено в суд	Прекращено по реабилитирующим основаниям	Доля ушедших в суд	Доля прекращенных по реабилитирующим основаниям
Кража (ст.188)	215 572	20 066	28 236	9%	13%
Мошенничество (ст.190)	30 358	11 526	20 938	38%	69%
Мелкое хищение (ст.187)	14 346	1 274	5 062	9%	35%
Хулиганство (ст.293)	13 835	1 253	13 012	9%	94%
Грабеж (ст.191)	11 023	3 370	1 454	31%	13%
Незаконное обращение с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, прекурсорами без цели сбыта (ст.296)	6 011	4 282	5 717	71%	95%
Присвоение или растрата вверенного чужого имущества (ст.189)	5 863	1 802	3 713	31%	63%
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	5 051	453	9 452	9%	187% ⁶⁶
Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков, государственных знаков почтовой оплаты, государственных наград (ст.385)	4 875	917	2 788	19%	57%
Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами (ст.345)	4 447	1 645	6 127	37%	138%
Всего / средняя доля	311 381	46 588	96 499	26%	77%

Источник: данные КПСиСУ

Кроме того, сюда же (согласно ст. 37 УПК РК) попадают дела, например, наркотические, в которых изменение законодательства декриминализовало проступок, или где в ходе расследования было выявлено, что масса наркотика недостаточно велика для квалификации события по статье уголовного кодекса. Более того, по всей видимости, наркотические преступления – это одно из наиболее часто регистрируемых преступлений в недавнем прошлом, поскольку сумма прекращенных и отправленных в суд наркопреступлений существенно превышает количество зарегистрированных в 2016 году. Мы полагаем, что это эффект изменений в Уголовном кодексе Республики Казахстан,

⁶⁶ Здесь и далее доли реабилитаций, составляющие больше 1 (более 100%), связаны с тем, что количество преступлений, прекращенных с реабилитацией, превышает количество зарегистрированных в отчетном периоде и включает в себя преступления, зарегистрированные в прошлых годах.

которые перевели часть нарушений этого типа в разряд уголовных проступков и административных правонарушений.

Таким образом, органами расследования в суд направляется только четверть дел, остальные же прекращаются, преимущественно по реабилитирующим основаниям. В этом плане **мы можем говорить о том, что реформа системы уголовной юстиции в части расширения полицейской дискреции на стадии регистрации с последующей возможностью для прекращения дела, если обнаруживается отсутствие события / состава преступления, в целом удалась.** Полиция начинает расследования и потом, если устанавливаются факты, которые говорят о том, что событие не может считаться преступлением, его прекращает.

Что касается прекращений по нереабилитирующим основаниям на досудебной стадии, то их примерно в три раза меньше, чем прекращений по реабилитирующим основаниям – около 22%. Такие прекращения связаны обычно с примирением сторон, амнистированием, истечением сроков давности по преступлению и другим нереабилитирующим основаниям.

Но картина существенно меняется, если мы посмотрим на то, что происходит в делах, по которым установлены подозреваемые лица (которым предъявлено обвинение). За весь 2016 год из 56 тысяч лиц, дошедших до суда, уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям только в отношении 167 человек. Соответственно, на обеих стадиях по делам публичного обвинения реабилитации и оправдания составляют: в год - чуть более 200 реабилитированных / оправданных человек на страну, 13 человек в среднем на область, или раз в месяц в каждой области.

Детальный анализ показывает, что вероятность таких прекращений распределена существенно неравным образом по разным преступлениям (таблица 16). Так, если средняя доля реабилитирующих исходов составляет 0,12% (усреднено по преступлениям), то для кражи вероятность реабилитации в четыре раза меньше. Также низка она для грабежа и управления транспортным средством в состоянии опьянения, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Это полностью подтверждает изложенную ранее гипотезу – для очевидных преступлений или тех, где у полиции есть широкая дискреция (возбуждать / не возбуждать производство, привлекать / не привлекать к ответственности подозреваемого), доля реабилитаций оказывается очень небольшой. Полиция работает, по возможности, с очевидными делами и доводит до привлечения подозреваемого те случаи, в которых для реабилитации не может быть никаких или почти никаких оснований. Подтверждается эта гипотеза и с противоположной стороны. Наиболее относительно часты реабилитации для таких составов, как мошенничество, нарушения ПДД и самоуправство.

Таким образом, возникает следующая ситуация: значительная доля дел, которые приходят в полицию, - это дела по относительно массовым составам, по которым сотрудники имеют опыт работы и соответствующие навыки. Не имея, как и во всем мире, возможности одинаково интенсивно работать по всем делам, сотрудники выбирают наиболее перспективные – те, в которых установление подозреваемого наиболее вероятно (или он уже известен) или доказательная база наиболее качественная. Именно такие дела в полициях всего мира и имеют наибольшие шансы на завершение и передачу в суд / в прокуратуру. С точки зрения общего блага, это логично до тех пор, пока ущерб от «сложного» преступления, которое полицейский будет откладывать в долгий ящик, примерно равен ущербу от «очевидного». Понимая ограниченность ресурсов полиции, мы бы хотели, чтобы за

свое рабочее время полицейские выявили наибольшее количество преступников и доказали их вину.

Таблица 16. Процессуальные исходы на досудебной стадии по топ-10 правонарушений с лицами

Квалификация правонарушения	Всего правонарушений с привлеченными лицами в 2016 году	Доля правонарушений, направленных в суд	Доля прекращений по реабилитирующим обстоятельствам	Доля прекращений по реабилитирующим обстоятельствам
Кража	47548	25%	75%	0,03%
Мелкое хищение	9109	9%	91%	0,19%
Хулиганство	8055	18%	82%	0,11%
Мошенничество	7534	36%	63%	0,28%
Грабеж	5931	59%	41%	0,02%
Незаконное обращение с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, прекурсорами без цели сбыта	4420	81%	18%	0,11%
Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами	3861	42%	57%	0,28%
Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, а равно передача управления транспортным средством такому лицу или допуск к управлению транспортным средством такого лица	2828	93%	7%	0%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	2141	99%	1%	0,05%
Самоуправство	1991	10%	89%	0,2%
Остальные правонарушения	24281	55%	44%	0,26%
Всего	117699	37%	62%	0,12%

Источник: данные КПСuСУ

Дополнительно стимулирует полицию Республики Казахстан работать именно так сохранившаяся частично «палочная» отчетность. Несмотря на формальную ее ликвидацию, на данный момент на местах в качестве инструмента координации работы оперативных служб полиции используются таблицы, в которых указаны доля и количество направленных в суд дел как в абсолютных значениях, так и по сравнению с прошлым периодом. Сотрудники правоохранительных органов утверждают, что показатели в этих таблицах нередко используются для указания низовым руководителям и отдельным сотрудникам на их недоработки и даже становятся основанием для более серьезных кадровых решений. По отдельным оценкам это приводит к тому, что в некоторых подразделениях начинается отход от тотальной регистрации в ЕРДР заявлений граждан и постепенно нивелируются эффекты недавней реформы.

Таблица 17. Длительность расследования преступлений по категориям

<i>Преступление</i>	<i>Медианное количество дней от регистрации преступления до процессуального решения</i>	<i>Медианное количество дней от процессуально- го до судебного решения</i>
Кража	25	21
Мелкое хищение	7	12
Хулиганство	36	26
Мошенничество	51	41
Грабеж	40	31
Незаконное обращение с наркотическими средствами <...> без цели сбыта	24	14
Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации ТС <...>	61	22
Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления ТС, находящимся в состоянии опьянения <...>	7	13
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	60	28
Самоуправство	29	25

Источник: данные КПСиСУ

Итак, работая с делами, которые отобраны на начальной стадии, сотруднику полиции очень сложно допустить ситуацию, когда лицо, которому объявлено о подозрении, в будущем окажется невиновным – на стадии досудебного производства или в суде. Предвидя такую перспективу, рациональный сотрудник переключится на более очевидное дело. По другим же делам, как постоянно говорят следователи и оперативные работники, сотрудник правоохранительных органов будет постоянно откладывать момент привлечения лица в качестве подозреваемого. Фраза «пусть лучше скроется» звучала множество раз. Риски привлечения к ответственности за нарушение конституционных прав граждан намного перевешивают риски того, что дело не будет передано в суд из-за того, что преступник скрылся. Сотрудники утверждают, что поток дел достаточно велик и, если скрылся подозреваемый, можно ускорить работу по другому делу. Ведь по простым и очевидным делам всегда можно быстро завершить расследование и ими закрыть отчетность по направлению дел в суд. Таким образом, тот факт, что преступник скрылся и дело не было окончено расследованием, не создает существенных рисков для следственных органов, а вот привлеченный и потом оправданный подозреваемый – это серьезная проблема. Фактически для следователя идеальный вариант – это привлечение подозреваемого в самый последний момент, когда все доказательства собраны и дело готово. По более сложным делам (см. ниже) ситуация несколько иная, но также, если нет необходимости применять меры процессуального принуждения, следователь будет стараться изменить статус подозреваемого как можно позже. Очень хорошо это иллюстрируется продолжительностью расследования по разным массовым категориям преступлений.

Как можно увидеть в таблице 17, наблюдается очень большая вариация, что подтверждает существование разных траекторий для разных категорий преступлений.

Как и во всем мире, доля оправданий и реабилитаций по массовым статьям небольшой и средней тяжести должна быть невелика, так как сотрудники полиции имеют возможность из всего потока дел, которыми они должны заниматься, прикладывать наибольшие усилия к наиболее очевидным.

3.2. Особые процессуальные порядки

Дополнительный вклад в эту тенденцию вносит такой инструмент, как ускоренное досудебное расследование – процедура, позволяющая ускорить производство по уголовному делу и в срок до 15 суток отправить его в суд. Она применяется тогда, когда преступление является «очевидным», и использование такого порядка выгодно стороне государственного обвинения, так как позволяет, с одной стороны, быстро закончить производство по делу, а с другой – с гораздо меньшей строгостью подходить к доказыванию вины. Для подозреваемого УДР – это своеобразная сделка со следствием: в случае согласия подозреваемый может рассчитывать на более мягкое наказание, но при этом подозреваемый или подозреваемые должны признать свою вину (подробнее о механике и сложностях реализации этой процедуры см. в разделе 2.1.).

Насколько распространен институт УДР и как он влияет на процессуальный исход дела? Посмотрим сначала на досудебную стадию. Из 360 тысяч правонарушений, зарегистрированных в Республике Казахстан в 2016 году, 21 тысяча правонарушений проходили в порядке ускоренного досудебного разбирательства, то есть около 5%. Как и можно ожидать, в случае УДР у подозреваемого не остается шанса на прекращение производства по делу с реабилитирующим исходом (и это нормально) – такой шанс составляет 0,03% (таблица 18). Из таких правонарушений в суд гарантированно отправляются больше половины, остальные же прекращаются преимущественно по результатам примирения с потерпевшим.

Таблица 18. Зависимость исхода правонарушения от наличия ускоренного досудебного расследования

<i>Исход правонарушения</i>	<i>Все правонарушения⁶⁷</i>	<i>Правонарушения в порядке УДР</i>
Направлено в суд	19%	54%
Прекращено по реабилитирующим обстоятельствам	52%	0,03%
Прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам	22%	45%
Другие исходы	7%	0%

Источник: данные КПСиСУ

Посмотрим теперь на то, как завершаются судебные дела в порядке ускоренного досудебного расследования. С одной стороны, в отличие от всех правонарушений в целом, по делам, пришедшим в порядке УДР, доля осуждений составляет только 31% (против 57% для всех правонарушений в целом), но шансов на прекращение уголовного дела на судебной стадии с реабилитацией у подсудимых нет, как и предполагает эта траектория на уровне догматики и логики закона: за 2016 год лишь одно дело было прекращено таким образом (таблица 19).

⁶⁷ Здесь и далее – включая дела частного обвинения.

При этом если посмотреть на вероятность оправдательного приговора, в случае УДР она меняется в меньшую сторону. Из 56 тысяч всех подсудимых по уголовным делам в 2016 году было оправдано 886 человек, то есть примерно 1%. Но уже из всех подсудимых по делам, пришедшим в порядке УДР (таких было 5933) было оправдано лишь три человека, что составляет ничтожные 0,0005%.

Таблица 19. Зависимость исходов судебных дел от порядка УДР

<i>Показатель</i>	<i>Все правонарушения</i>	<i>Правонарушения в порядке УДР</i>
Всего правонарушений	48943	5430
Доля осуждений	57%	31%
Доля прекращений по примирению	24%	55%
Доля прекращений по реабилитирующим основаниям	7%	0,002% (1 реабилитация)
Доля возвратов прокурору	8%	12%

Источник: данные КПСиСУ

Таким образом, ускоренное досудебное расследование является процедурой, которая, во-первых, не является сделкой со следствием (поскольку подозреваемый или подсудимый не знает, какое наказание он получит); во-вторых, создает стимулы для неформального давления стороны следствия на подозреваемого⁶⁸; в-третьих, шансы подозреваемого на какой-либо реабилитационный исход – как на стадии досудебного, так и на стадии судебного разбирательства – становятся, в соответствии с законом (и на практике), равны нулю. Одновременно, как показывает статистика, эта практика на сегодняшний день не является массовой и не лишает подозреваемого / подсудимого возможности примириться с потерпевшим. Однако несмотря на нечастое использование, этот механизм вносит свой вклад в снижение количества оправдательных приговоров по массовым, нетяжким и очевидным делам.

Таблица 20. Зависимость исходов судебных дел от процессуального соглашения

<i>Показатель</i>	<i>Все правонарушения</i>	<i>Правонарушения в порядке процессуального соглашения</i>
Всего правонарушений	48943	2775
Доля осуждений	57%	82%
Доля прекращений по примирению	24%	6%
Доля прекращений по реабилитации	7%	0,04%
Доля возвратов прокурору	8%	11%

Источник: данные КПСиСУ

Вторая форма ускоренного расследования и рассмотрения дел, помимо УДР – процессуальное соглашение. Как и в случае с УДР, оно предполагает признание вины, и, соответственно, по логике

⁶⁸ Это широко известный феномен (например, на российском материале см.: Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма, 2016). Для следователя или дознавателя любой ускоренный процессуальный порядок более удобен в работе (о казахстанской специфике и позиции Прокуратуры мы писали в разделах 2.1 и 2.2). Соответственно, правоохранительные органы будут (совершенно необязательно с использованием незаконных средств) склонять стороны к движению по этому треку.

закона, минимальную вероятность для подозреваемых и подсудимых быть оправданными или реабилитированными на стадии суда. Оно используется в 5,6% дел, дошедших до суда. Кроме того, более 80% всех дел, идущих в таком порядке (то есть значительно больше чем в УДР), заканчиваются осуждением (таблица 20). Это различие объясняется тем, что данный процессуальный порядок чаще применяется к более тяжким преступлениям и преступлениям без жертвы⁶⁹, в которых невозможно примирение и, соответственно, прекращение дела по нереабилитирующим основаниям.

Итак, несмотря на то что особые процессуальные порядки вносят лишь небольшой вклад в общий поток дел, они дополнительно обеспечивают невозможность оправдания по простым и очевидным преступлениям, где подсудимый полностью признает вину.

3.3. Фильтрация дел через прокурорскую дискрецию и институт примирения

Прокурор в уголовном процессе Республики Казахстан формально обладает довольно широкими полномочиями по фильтрации дел на досудебной стадии. Прежде всего, прокурор в обязательном порядке уведомляется о каждом факте регистрации сообщения о совершении преступления через систему ЕРДР. Впоследствии прокуратура обладает возможностью осуществлять контроль над качеством досудебного расследования. Однако на практике, если это не сложное резонансное дело (о чем речь в следующем разделе), прокуратура «поднимает дело» и реализует контроль лишь в случае поступления жалоб со стороны участников уголовного процесса. При выявлении оснований для прекращения дела, предусмотренных ст. 35 и ст. 36 УПК РК, прокурор может прекратить уголовное дело. Более того, ведомственные показатели мотивируют прокурора прибегать к этой мере на ранних этапах, так как в качестве позитивного показателя установлен процент дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям в течение 3 суток с момента регистрации в ЕРДР, от общего числа дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям. Однако описанные процессуальные возможности прокурора по фильтрации дел наталкиваются на неформальные установки по доведению дела до обвинительного приговора. Информанты утверждают, что, пусть и с оговорками, направление в суд считается наиболее «полноценным исходом» на уровне неформальных оценок в прокуратуре.

Другой возможностью отсева дел, по которым проведено некачественное досудебное расследование и не усматриваются основания для передачи дела в суд, является отказ прокурора в утверждении обвинительного акта и возвращение дела на дополнительное расследование. Здесь важно отметить, что надзором за следствием и поддержкой государственного обвинения в суде занимаются разные подразделения в прокуратуре, т.е. надзор за следствием осуществлял один человек, а выступает в суде другой, чаще всего, это люди с разными профессиональными компетенциями. В случае возникновения разногласия между надзиравшим прокурором и гособвинителем по вопросу возможности направления дела в суд, он передается с рапортом для разрешения руководителю, т.е. непосредственно районному прокурору. Однако таких дел крайне мало, около 1% от всех, принятых к производству в 2016 году.

⁶⁹ Это особенно важно, так как процессуальное соглашение предполагает большую роль потерпевшего (В ЧЕМ?) и его согласие на многих этапах.

Прокурор также может отправить дело на доследование непосредственно в суде в порядке ст. 323 УПК РК, что является способом спасти дело, если становится неизбежным исход в виде оправдательного приговора (по замечанию одного из респондентов, этот способ можно назвать «тихим оправданием»). Однако с недавнего времени у прокурора появилась возможность также изменить обвинительный акт уже на судебной стадии в порядке ч. 5 ст. 340 УПК РК, что позволяет, например, переквалифицировать деяние, не отправляя на дополнительное расследование. Однако, насколько можно судить по интервью, это остается исключительным случаем.

Кроме того, прокурор может отказаться от обвинения в порядке ст. 337 УПК РК. Это, по сути, также означает оправдание / реабилитацию. Однако этот институт также остается маргинальным – за 2016 год он использовался три раза.

По экспертным оценкам и на основании статистики мы можем говорить, однако, что эти инструменты используются скорее в форс-мажорных обстоятельствах – то есть скорее усиливают обвинительный уклон, позволяя задержать дело на более ранних стадиях, чем делают прокурора агентом движения в сторону оправдания или реабилитации.

Примирение сторон как способ освобождения от уголовной ответственности по преступлениям небольшой и средней тяжести предусмотрено ст. 68 УК РК. Однако сдерживающим фактором для примирения на стадии следствия до сих пор остается показатель направления дела в суд для сотрудников следствия. В связи с этим, как утверждают опрошенные эксперты, следователи склонны давить на участников процесса с целью переноса примирения на судебную стадию.

Хотя в 2013 году была большая кампания со стороны прокуратуры по повышению числа прекращений именно на досудебной стадии, она дала лишь временный эффект, через какое-то время следователи вновь стали ориентироваться на свой главный показатель – направление дел в суд – вместо того, чтобы добиваться от сторон примирения на досудебной стадии. Однако произошедший откат, как показывают статистические данные, приведенные в предыдущем разделе и в разделе 2.3, не является полным. Как видно из таблиц 9 и 10, на досудебной стадии по факту примирения сторон прекращается больше дел (в абсолютных числах), чем на судебной.

Одновременно практика примирения и прекращения дела работает в сложных делах, в которых участвуют социально незащищенные подозреваемые, на то, чтобы разрешить сложное и конфликтное дело без реабилитации. Для подозреваемого это возможность уйти без судимости, для следствия же – возможность свести сложное дело к исходу, отличному от реабилитации. Хотя понятно, что подавляющее большинство дел, в которых используется этот механизм, – это не сложные и конфликтные дела, а наоборот, очевидные и простые.

3.4. Сложные дела: практика межведомственного согласования – основной инструмент предупреждения оправданий

«Сложные дела» – это преступления, по которым на досудебном этапе возникает неопределенность как в процедурных аспектах (квалификация преступления, достаточность доказательной базы), так и в том, как это преступление будет рассмотрено судом (вероятность оправдательного приговора). Ежедневно прокурор получает оперативную сводку от отделов внутренних дел с информацией о том, какие сообщения о преступлениях были зарегистрированы дежурными частями. По

результатам анализа этих сводок отдельные категории дел ставятся на особый контроль и по ним проводятся регулярные совещания с участием сотрудников следствия и прокуратуры, в отдельных случаях запрашивается мнение судей.

Дело в том, что, несмотря на возможность для сотрудников полиции во многих случаях фильтровать такие дела, о которой сказано выше, существуют и исключения. Такие дела на особом контроле можно условно отнести к нескольким большим группам преступлений (ср. таблицу 16).

Первая группа – это группа часто регистрируемых, «конвейерных» преступлений, с которыми часто имеют дело сотрудники следственных органов и прокуратуры, но по которым существуют неясности. Например, в случае преступлений, связанных с наркотиками, такие неясности могут быть связаны с доказательной базой. Вина человека может доказываться с помощью имеющихся в деле документов (протоколов или экспертных заключений), но сами эти документы могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами (скажем, в качестве понятого был привлечен один из сотрудников правоохранительных органов). В таком случае у следствия возникает мотив заранее обсудить уголовное дело с органами, в которые оно пойдет дальше, т.е. с прокуратурой и судом⁷⁰.

Одна из историй респондентов из прокуратуры г. Астана была связана как раз с доказательством при изъятии наркотиков: видеозапись была плохого качества и в действительности не подтверждала того, что у человека были наркотики. При внимательном покадровом рассмотрении прокурор обнаружил свидетельство того, что в момент задержания оперативный работник залез рукой в карман задержанного, из которого затем был изъят наркотик. И хотя прокурор прекратил производство по этому преступлению, сам характер заведомо неполной или даже незаконной доказательной базы таких преступлений вынуждает органы следствия советоваться с прокуратурой и судом.

Вторая группа – это преступления, в которых само событие и состав преступления требует предметной подготовки и зачастую больших временных и трудовых ресурсов для доказывания. Сюда попадают все экономические преступления, связанные прежде всего с нелегальной или полунелегальной коммерческой деятельностью. В данный момент, по словам экспертов, существует ведомственный приказ МВД, запрещающий регистрировать преступления, которые могут быть рассмотрены как гражданские дела в суде (например, связанные с невыполнением условий договора). Однако специализированные ведомства и департаменты, которые уполномочены регистрировать и расследовать подведомственные им преступления, могут использовать практику консультаций с прокуратурой или судом. Один из респондентов напрямую рассказал о том, как на этапе следствия из его подразделения было направлено официальное письмо с просьбой о разъяснениях в судебный орган. Поскольку такое письмо является официальной корреспонденцией и имеет входящий номер (в том числе ответный), это является дополнительной страховкой для органа следствия в случае прекращения производства по преступлению со стороны прокуратуры, оправдательного приговора или отмены решения суда вышестоящей инстанцией. Другой следователь рассказывал о

⁷⁰ В социологии права подобные неформальные практики согласований и договоренности в процессе принятия решения о дальнейшей траектории уголовного дела принято обозначать понятием «рабочие группы». Eisenstein, J., Jacob, H. 1977. *Felony Justice. An Organizational Analysis of Criminal Courts*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company. О рабочих группах в российских судах см.: Моисеева, Е.Н. 2014. Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга. Журнал социологии и социальной антропологии, №4. С. 86-100.

подобном запросе по сложному делу в прокуратуру. Впоследствии дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, но наличие письменного ответа из прокуратуры позволило следователю избежать каких-либо санкций.

Третья группа – резонансные, громкие дела, к которым привлечено внимание общественности и средств массовой информации. В качестве кейса здесь можно привести дело о массовой гибели людей на шахте в результате нарушения правил техники безопасности. Согласно информации, полученной от респондента, это дело велось в течение 5 месяцев с еженедельными совещаниями в прокуратуре, на которых обсуждалась реализация плана расследования. В этих делах, как правило, назначается процессуальный прокурор.

Четвертая группа – это тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления. Практика показывает, что по ним тщательное и подробное расследование, ориентированное на передачу дела в суд, ведется вне зависимости от сложности и неочевидности дела. Грубо говоря, если из набора краж полицейский может выбирать и работать с разной интенсивностью, то изнасилование, повлекшее смерть, будет расследоваться с высокой интенсивностью, и подозреваемый будет предан суду, даже если дело вызывает определенные сомнения.

Сам механизм согласования позиций по делу между следствием, прокуратурой и судом является неформальным. Сотрудники всех трех органов включаются в механизм неформальных согласований по трем причинам.

Во-первых, в основном следователи и начальники следственных органов взаимодействуют с одними и теми же прокурорами, а прокуроры – с одними и теми же судьями и работниками аппаратов судов, и поэтому между ними налаживаются естественные коллегиальные отношения. Кроме того, если в деле работает адвокат по назначению, который постоянно взаимодействует с конкретным следователем, он также ситуативно включается в эти неформальные согласования.

Во-вторых, сама борьба с преступностью предполагает конвейерный характер расследования преступлений: их много, они по большей части похожи и однородны, что создает естественный мотив работать как можно быстрее. В такой ситуации сотрудники следственных органов хотят как можно скорее собрать доказательную базу и утвердить все у прокурора, сотрудники прокуратуры – быстрее отправить преступление в суд, а судья – быстро принять решение по преступлению. Сотрудники всех трех групп органов заинтересованы в том, чтобы конфликтов по поводу квалификации, доказательств и других процессуальных сторон между следствием, прокуратурой и судом не было. Адвокат же, если это адвокат, работающий «по назначению», также будет заинтересован в быстром движении дела и отсутствии конфликтов с сотрудниками правоохранительных органов.

В-третьих, все эти органы заинтересованы в том, чтобы преступление в суде не закончилось оправдательным приговором, который создает значительные риски в плане оценки работы сотрудников и следствия, и прокуратуры, и суда (в случае отмены оправдательного приговора).

Все это вместе приводит к тому, что работники всех трех звеньев – следствия, прокуратуры и суда – имеют сильные стимулы для совместной работы над тем, какое преступление с точки зрения документальной базы придет в суд. И хотя на бумаге прокуратура обладает исключительно надзорными функциями, а суд является независимым, на деле мы предполагаем, что неформальное межведомственное взаимодействие по сложным делам начинается уже с момента принятия решения о

задержании подозреваемого. По более типичным и простым делам договоренности могут возникать ad hoc, чаще всего при поступлении жалобы на действия следователя и запроса материалов дела прокурором.

Впоследствии, уже после согласования позиции по делу, вероятность ее изменения кем-либо из участников рабочей группы крайне низка, это всегда ломает обоснованные ожидания других участников и выглядит проявлением коррупции. Как рассказывал один из информантов-прокуроров о своем единственном оправдании в карьере, судья до последнего на неформальных обсуждениях давала понять, что состав преступления имеется, поэтому оправдательный приговор стал для него полной неожиданностью.

При этом согласование вопросов на уровне «оперативные сотрудники – следствие – прокуратура» подается информантами как совершенно нормальное и необходимое. С их позиции это абсолютно логичная тактика, ведь все они «делают одно дело». Такая позиция соответствует мировой практике, но противоречит идеологической надзорной функции прокуратуры в Республике Казахстан (в большей части стран мира Прокуратура – это орган уголовного преследования, не надзирающий за полицией, а работающий с ней совместно). Включение в эту группу адвокатов обычно подается как нечто немного ненормальное, но необходимое, в частности и для адвоката, который хочет улучшить положение своего подзащитного. О включении судей (но не работников аппарата суда) говорят не все информанты – эта практика рассматривается как несколько аномальная. Однако о ее распространенности говорит фраза одного из высокопоставленных судей: «Лично я в своем суде это старался запретить». Каждое слово здесь – и «лично я» и «в своем суде» и «старался» говорит о незавершенности процесса и в целом массовости этой практики.

Таким образом, важнейшей страховкой от оправдательного приговора оказывается тотальное согласование всех деталей на всех уровнях, включая судебные. Относительно независимыми, видимо, оказываются только судьи вышестоящих судов.

3.5. Подконтрольность судей и страх обвинений в коррупции

На фоне развернувшейся кампании по борьбе с коррупцией в Казахстане, в том числе внутри государственных органов, оправдательные приговоры являются незримым, но важным индикатором, маркирующим «странность» судьи по нескольким причинам.

Во-первых, поскольку само составление оправдательного приговора в разы сложнее как для самого судьи, так и для аппарата суда, это создает дополнительную нагрузку на судебный орган. Оставление обвинительного приговора предполагает опору на позицию обвинения, оправдательный же приговор требует большой работы. Влияет также и отсутствие практики написания оправдательных приговоров.

Во-вторых, оправдательный приговор в обязательном порядке обжалуется прокуратурой в апелляционном суде, что создает риск для судьи, постановившего оправдательный приговор. Вероятность отмены приговора при внесении апелляционного протеста со стороны прокурора всегда воспринимается как более высокая, нежели при подаче апелляционного ходатайства адвокатом. Количество отмен является одним из главных показателей работы судей. Количество отмен по итогам рассмотрения апелляционных жалоб представлено в таблице 13. Что же касается апелляционных про-

тестов прокуратуры, то их примерно в 10 раз меньше, чем жалоб – 660, однако удовлетворяются они намного чаще – в 41,5% случаев (против 2,3% отмен по жалобам). Понятно, что далеко не все прокурорские протесты касаются оправдательных приговоров, но мы понимаем, что общая картина создает ситуацию, когда отмена оправдательного приговора гораздо более вероятна, чем отмена обвинительного.

Кроме того, в случае отмены оправдательного приговора судья, вынесший такой приговор, может стать подозреваемым в коррупционном преступлении. Отдельные информанты говорили о том, что существует и институт инициирования такого расследования органами прокуратуры (прокуратуры области), однако нам не удалось выяснить распространенность этой практики и степень ее значимости. Один же информант рассказал о практиках фабрикации дел против судей, постановляющих оправдательные приговоры, но опираться целиком на его слова нет возможности.

Кроме того, в случае оправдательного приговора подсудимый получает право на реабилитацию, а следовательно, и возмещение вреда, причиненного в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс.

При этом сама структура судебных органов не позволяет говорить о независимости судов первой инстанции от апелляционных судов, поскольку председатель апелляционной коллегии имеет неформальные возможности определять судебную практику по тем или иным категориям дел. Кроме того, необходимо учитывать и механизм дисциплинарной ответственности судей, когда вероятность лишения полномочий зависит от количества отмен, риск которых при вынесении оправдательных приговоров на порядок выше.

В итоге все вышеперечисленные факторы делают вынесение оправдательного приговора крайне маловероятным исходом уголовного дела.

3.6. Роль адвокатуры

Одним из важнейших условий постановления оправдательных приговоров является эффективный институт защиты по уголовным делам. Подсудимый, как правило, относится к нижним слоям общества и не обладает достаточной компетенцией для самостоятельной защиты. Более того, как правило, он не обладает и возможностью для найма высококвалифицированного адвоката. Поэтому механизм работы адвокатов «по назначению» - это важный фактор, влияющий на количество оправдательных приговоров и реабилитаций на судебной и досудебной стадии.

В Казахстане в уголовном процессе действует профессиональная монополия – правом осуществлять защиту обладают только адвокаты⁷¹. Адвокатура имеет следующую структуру: в каждом регионе действует коллегия адвокатов на началах обязательного членства всех адвокатов данного региона, на национальном уровне функционирует Республиканская коллегия адвокатов. Практиковать адвокат может либо индивидуально, либо в коллективных образованиях – адвокатских конторах или юридических консультациях. В целях осуществления защиты по уголовным делам по назначению следственных органов или суда в коллективных адвокатских образованиях устанавливается дежурство. Однако на практике успешные адвокаты, имеющие достаточное количество клиентов по соглашению, не встают в список адвокатов по назначению. В этот список, как правило,

⁷¹ П. 4 ст. 4 Закона РК «Об адвокатской деятельности» от 05.12.1997 г.

попадают либо молодые адвокаты, зарабатывающие клиентуру, либо адвокаты в возрасте, не имеющие желания и амбиций браться за сложные уголовные дела.

Опрос показал⁷², что заработки адвокатов, работающих в рамках системы государственной защиты, в среднем в шесть раз ниже. В связи с этим юридическая помощь в рамках работы по назначению не всегда оказывается на качественном уровне. Респонденты, в том числе из адвокатского сообщества, неоднократно утверждали, что во многих случаях адвокаты по назначению действуют безынициативно, а порой и вопреки интересам доверителей, склоняя к признанию вины и сделке со следствием.

Функция защитника по назначению часто сводится к контролю соблюдения минимального объема прав подзащитного, тогда как ходатайства, жалобы и запросы составляются редко. Происходит это в силу наличия структурной зависимости от следственных органов и суда – несмотря на наличие списка, во многих случаях следствие и суд имеют возможность приглашать лояльных адвокатов и избегать неудобных. Потребность в адвокатах почти всегда превышает количество тех, кто дежурит в тот или иной день согласно списку, что создает возможность приглашать адвокатов вне очереди.

Кроме того, поскольку принципиальные и квалифицированные адвокаты стараются работать преимущественно по соглашению, в список чаще всего попадают лояльные адвокаты. Поскольку адвокату по назначению подписывает квитанции на оплату за участие в следственных действиях непосредственно следователь, это создает предпосылки для отношений взаимозависимости. Низкий уровень платы со стороны государства за юридическую помощь по назначению также вносит свой вклад в слабую мотивацию адвокатов при ведении таких дел.

Общей проблемой адвокатов, как по назначению, так и по соглашению, является дисбаланс процессуальных возможностей по сравнению со стороной обвинения. Хотя нормативно эти возможности могут быть закреплены, на практике их реализация часто встречает затруднения.

Как показывают данные министерства юстиции, если ходатайства адвокатов «по назначению» о проведении следственных действий отвергаются примерно в 40% случаев, то жалобы на действия / бездействие лиц, осуществляющих расследования, отвергаются более чем в 80% случаев.

Несмотря на появившуюся возможность заявлять жалобы и ходатайства на досудебной стадии не следователю, а следственному судье, это не исправило ситуации – количество удовлетворенных жалоб и ходатайств адвокатов «по назначению» остается на низком уровне (так, в 2016 году они обжаловали постановления следственных судей 1366 раз). Возражения адвокатов по поводу обоснованности меры пресечения в виде заключения под стражу, что также рассматривает следственный судья, не принимаются во внимание. Дисбаланс возможностей наблюдается даже на уровне доступа защитников в помещения судов.

До недавних пор в отношении адвокатов был установлен запрет на пронос любой электронной аппаратуры, вплоть до мобильного телефона. Подобные меры ограничивали возможности аудиофиксации заседания или фотокопирования материалов дела адвокатом, предусмотренные законодательно. Сбор доказательств также затруднен по сравнению со стороной обвинения – адвокатские запросы о предоставлении сведений плохо исполняются органами и учреждениями.

⁷² Материалы опроса представителей адвокатского сообщества, предоставленного партнерами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НИЗКОЕ КОЛИЧЕСТВО ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В РК: ПРЕДПОСЫЛКИ И РИСКИ

Задача этой части – подвести итог и систематизировать описание, предложенное в предыдущих главах. Результаты исследования позволяют обозначить наиболее вероятные причины возникновения запредельно низкого уровня оправданий и прекращения дел по реабилитирующим основаниям. Затем мы анализируем, какие риски это создает для будущего Республики Казахстан и в конце пробуем высказать некоторые предложения по реформированию сложившейся системы.

Почему уровень оправдательных приговоров РК столь низок и не может быть выше в существующих условиях?

Итак, попробуем еще раз кратко охарактеризовать наблюдаемую модель правоохранительной системы в Республике Казахстан и пояснить предпосылки ее возникновения. Это модель, в которой, по сути, окончательно решение о виновности принимается на этапе взаимодействия оперативник – следователь. Грубо говоря, именно там, где принимается решение об объявлении о подозрении, там и принимается финальное решение о виновности. А решение такое принимает следователь на основании данных оперативных служб. После этого подозреваемый может выбрать траекторию, связанную с прекращением дела в связи с примирением с потерпевшим по тем категориям дел, где предусмотрена такая возможность (и многие подозреваемые это делают), но в большинстве случаев он остается в рамках траектории, ведущей к обвинительному приговору. Вариантов оправдания / реабилитации фактически нет. Соответственно, после принятия решения о виновности следователь выступает как лицо, формализующее это решение, и менеджер выбора между двумя названными путями. Хотя примирения чаще происходят в суде, доля примирений на досудебной стадии достаточно велика. Остальные органы (прокуратура и суд) выступают, на первый взгляд, как контролеры качества следственных действий и инструмент определения размера и вида наказания. На самом деле это не совсем так. Функция контроля в их работе является доминирующей в простых, рутинных делах. В делах же более серьезных прокуратура, а иногда и суд становится частью рабочей группы, ищущей легально и неформально приемлемый путь, который не позволит подозреваемому в этом сложном кейсе пойти по пути оправдания / реабилитации. По большому счету, в сложных делах против реабилитации работает уже не один следователь, но все правоохранительные органы, нередко включая и суд. Побочным эффектом такой модели является перенос тяжести принятия (следователем) решения о привлечении лица в качестве подозреваемого на максимально поздний момент (в пределах стадии до предъявления обвинения) и стремление (следователя) максимально избегать сложных и неоднозначных дел. Это, кстати, дает нам феноменально низкое количество дел, по которым были приняты содержательные решения, подразумевающие виновность подозреваемого, в Республике Казахстан (в два раза меньше дел, рассмотренных судом на 100 тысяч жителей, чем в России, и в 4 раза меньше, чем в Германии).

Но как показывает сравнение с другими странами бывшего СССР, такой путь развития правоохранительной системы был едва ли не единственным возможным. В тех странах, по которым есть информация (Россия, Армения, Беларусь, Украина), система эволюционировала примерно в том же

направлении (хотя и разными темпами) с небольшой спецификой. Этому было несколько предпосылок.

Во-первых, историческая связка между судами и правоохранительными органами. В советской модели предполагалось очень плотное формальное и неформальное взаимодействие между судьями и прокурорами (в частности, они были членами одной и той же первичной партийной организации). В постсоветских странах и в Казахстане, в частности, были приняты меры по укреплению независимости судей, однако они были приняты лишь на формальном уровне. То есть нормативно было закреплено, что судьи теперь независимы при принятии решений, но де-факто регулирование выстраивалось таким образом, что судьи оставались зависимыми как от других органов власти, так и от вышестоящих инстанций внутри судебной системы. Никаких мер к тому, чтобы сломать существующую практику, предпринято не было. В результате в условиях нового регулирования неформальные практики работы остались более или менее теми же.

Во-вторых, планово-учетная система советской милиции, основанная на различных модификациях такого показателя, как раскрываемость (доля дел, направленных в суд, и т.п. являются на деле не более, чем его вариантами) сохранилась и усилилась. Более того, новые технические возможности позволили существенно расширить спектр показателей, по которым производилось оценивание и, соответственно, планирование. Наряду с валовыми показателями, достижение которых в таких системах поощряется, существуют показатели «сбоев» / «нарушений», которые жестко караются. Исторически самым серьезным «сбоем» для полиции / милиции, следствия и прокуратуры было оправдание или реабилитация. Соответственно, система максимально ориентирована на избегание этого события и тем сильнее эффект «колеи» (path dependency). Чем эффективнее система избегает оправданий / реабилитаций, тем их меньше, тем серьезнее наказание для тех, кто этот сбой допустил, тем сильнее стремление остальных избегать этого события в дальнейшем.

В-третьих, сохраняется довольно своеобразная роль прокуратуры. Советская прокуратура совмещала в себе надзор над следствием, само следствие (его часть), и функции общего надзора. Если последнее является уникальным феноменом, который мы оставим в стороне (хотя его наличие, безусловно, размывает логику работы прокуратуры и вредит эффективной концентрации на задачах уголовного преследования). В остальном мы обнаружим, что советская прокуратура, в общем, не сильно отличалась от мировых образцов – во всех случаях, кроме взаимодействия со следствием МВД. В остальном она либо вела следствие сама, либо руководила милицейским дознанием, а потом представляла дело в суде. Однако путь реформирования, который был выбран в Республике Казахстан и большинстве постсоветских стран был парадоксален. Он усилил надзорные функции прокуратур, сохранив гособвинение и минимизировав функции непосредственного руководства расследованием. В результате прокуратура вместо непосредственного участия в расследовании стала инструментом избыточного давления на другие правоохранительные органы и одновременно стала отвечать за качество этого расследования, в нем не участвуя. В этой ситуации прокуратура, с одной стороны, вынуждена работать на снижение количества оправдательных приговоров, с другой – не участвует непосредственно в подготовке дела: прокурор в суде должен защищать продукт, произведенный «тем парнем», которому он вынужден тотально доверять. Даже относительно широкие (по сравнению с другими постсоветскими странами) полномочия Прокуратуры в Республике Казахстан не решают эти проблемы. Такие инструменты, как назначение процессуаль-

ного прокурора и принятие дела в свое производство, применяются относительно редко. В типовом случае прокурор остается в стороне от собственно следственного процесса, оставаясь надзирающей фигурой.

В-четвертых, и это плотно связано с предыдущим, Казахстан пошел по пути сохранения отдельного от прочей полиции «следствия» - уникального советского изобретения. В итоге в группе тех, кто заинтересован в отсутствии реабилитаций, появился центральный игрок, который оказывается тотально ответственным, но не может проконтролировать большую часть реальной работы по установлению подозреваемого и сбору (а не легализации) доказательств, за что отвечают оперативно-розыскные органы.

В-пятых, исторически в СССР адвокатура была крайне слаба. Несмотря на формальное усиление ее роли, как в процессе, так и в организационном плане эффективные органы профессионального самоуправления не сформировались. Механизмы активного участия в процессе «назначенного» адвоката не возникли. Закон предусматривает возможность активной и интенсивной работы «назначенного» адвоката по делу, но никаких организационных и финансовых механизмов, которые стимулировали бы его к этому, создано не было. В результате опять же возникает система, которая работает с советских времен по привычной модели: адвокат процессуально слаб и ориентирован на кооперацию с обвинением. И у стороны обвинения есть некоторые основания говорить о том, что это не их давление, а инициатива самих адвокатов. Во многих случаях это действительно так. Однако такое инициативное сотрудничество со следствием связано с осознанным или неосознанным пониманием того факта, что любая другая модель поведения будет строго караться, или, по меньшей мере, приведет к быстрому и тотальному исключению из реального взаимодействия того, кто попытается ей следовать.

Перед тем как подвести итог важно отметить еще один контекст – географический. Пространственная организация и структура расселения в Республике Казахстан предполагает локализацию правоохранительных органов и судов в относительно небольших «районах». В каждом таком «районе» живет 20-100 тысяч человек и работает несколько судей, несколько прокуроров, полтора десятка следователей и т.д. Это создает очень высокую плотность неформальных практик согласований и неформальные отношения, когда «все всех знают». Создавать судебно-полицейские округа, в которых живет по 400-600 тысяч человек, невозможно из-за запретительно высоких транспортных издержек. Ряд экспертов также обозначали как специфическую проблему клановые и семейные связи, однако, с одной стороны, мы уверены в том, что этот фактор не является решающим, с другой – мы не можем оценить его реальное значение.

Теперь рассмотрим совместную работу названных пяти факторов во временной перспективе. Мы видим, что все работающие неформальные факторы были направлены на то, чтобы привести нас к ситуации «ноль оправданий и реабилитаций». Открытие формальных возможностей для движения по другому пути (реформа системы назначения судей, процессуальных кодексов, адвокатуры) не было подкреплено организационными механизмами, в них не было встроено инструментов разрушения сложившейся советской модели (которая совершенно самостоятельно вне всякой связи с распадом СССР медленно, но верно двигалась к ситуации с нулевым уровнем оправданий). В этой ситуации удивительно, что в Республике Казахстан сохраняется текущий уровень оправданий и реабилитаций.

Какие риски для системы уголовной юстиции РК возникают в этой ситуации

Как мы уже говорили во введении, отсутствие реабилитаций и оправданий само по себе не может считаться проблемой. Но оно является важнейшим маркером дисфункции правоохранительной системы. Мы оставим в стороне репутационные риски для Республики Казахстан, которые связаны с тем, что большей частью экспертов и инвесторов она будет восприниматься как страна с некачественной судебной и правоохранительной системой. В частности, невозможность оправдания часто рассматривается как основной аргумент при отказе в экстрадиции преступника из-за рубежа – предполагается, что в Казахстане он не сможет реализовать право на справедливое судебное разбирательство. Разберем последствия, к которым может привести и без специально приложенных усилий, скорее всего, приведет сложившаяся ситуация.

Главные риски связаны с тем, что правоохранительная система оказывается в плену ложных ориентиров. Необходимость любой ценой избегать оправданий вызывает стремление, с одной стороны, уходить от сложных дел, с другой – любой ценой доказывать вину того, кто уже был объявлен подозреваемым. Такая модель приводит к депрофессионализации сотрудников правоохранительных органов. С одной стороны, они разучаются работать со сложными делами, а с другой – в их практике все чаще могут появляться незаконные методы сбора доказательств, которые необходимы, чтобы не допустить реабилитации по делам, по которым подозреваемому уже был придан формальный статус, но потом возникли некоторые проблемы. Такая правоохранительная система практически не способна решать стоящие перед ней задачи, какими бы они ни были. Сейчас исключение, насколько можно оценить, делается для тяжких насильственных преступлений, модель работы по которым, судя по косвенным данным, несколько отличается. Поэтому следующим этапом, если не будут приложены специальные усилия, будет снижение качества работы и по тяжким насильственным преступлениям.

Кроме того, такая модель существенно влияет и на состояние судебной системы. Понятно, что в отправлении правосудия по уголовным делам задействована меньшая часть судей. Однако именно эта часть судейского корпуса традиционно отвечает за общий облик системы, как в глазах внешнего наблюдателя, так и среди инсайдеров. Поэтому проблемы, которые возникают у суда при отправлении правосудия по уголовным делам, легко переносятся на другие сферы (обратное не встречается). Например, технология внепроцессуального предварительного согласования позиции с судом, которая сейчас практикуется в правоохранительных органах, может мигрировать в гражданский процесс, особенно в делах по спорам граждан и частных организаций с государством. Однако при наличии двух конкурирующих и процессуально равноправных сторон в (гражданском) процессе такое согласование, доступное только для одной стороны, фатально скажется на репутации судебной системы и ее востребованности.

Повторим, ключевая проблема, маркером которой служит чрезвычайно низкий уровень оправданий и реабилитаций – это депрофессионализация правоохранительных органов. По сути, они перестают защищать права потерпевших, не обнаруживая преступников по сложным и неочевидным делам (по очевидным делам часто потерпевший чисто технически мог бы защищать свои интересы в суде сам без участия в расследовании полиции и прокуратуры). Одновременно остаются незащищенными интересы потенциальных подозреваемых, поскольку вся система уголовного преследования фактически не умеет «разобраться и отпустить».

Есть ли позитивная повестка?

Важно понимать, что основные направления реформ и в период до 2015 года и волна реформ уголовного процесса 2015 года были необходимым условием поступательного развития системы правоохранительной деятельности и уголовного правосудия в Республике Казахстан. Весьма ограниченная их эффективность была связана с тем, что большая часть этих реформ сводилась к изменению нормативной базы (часто только самого высокого уровня – кодексов и законов). Она не была поддержана ни организационными изменениями, ни правоприменительной практикой высших инстанций, ни даже, нередко, нормативно-правовыми актами нижестоящего уровня. Таким образом, базовый методический посыл, если ориентироваться на имплементацию появившихся нововведений, – переход к другим методам их продвижения.

Причем важно понимать, что речь идет о постепенной поступательной работе в течение ряда лет. В отличие от изменений нормативно-правовой базы, изменение практики требует существенного времени. Постсоциалистические юрисдикции предлагают целый ряд инструментов для такого продвижения.

- Обзоры практики, которые готовят различные органы и распространяют по подведомственным учреждениям (в идеале – формализованные и обладающие фактически статусом источников права, такие как постановления Пленумов Высших судов). При помощи этого инструмента, если пользоваться им последовательно, можно ощутимо менять реальную практику.
- Учеба (в том числе межведомственная) – сохранившийся во многих юрисдикциях, в том числе в Республике Казахстан, инструмент внедрения новых практик работы. Он позволяет в менее формальной обстановке и менее жесткими инструментами донести до наиболее активных рядовых сотрудников определенные позиции или идеи. Например, серия тренингов по постановлению оправдательного приговора для судей, кроме простого учебного смысла, имела бы важное идеологическое значение на уровне «если этому учат, то не просто же так».
- Методические пособия. Формально являясь не более чем учебными материалами, на практике они воспринимаются большей частью сотрудников как руководство к прямому действию. Условно пособие «Досудебное и судебное сопровождение дел с риском оправдания» - это уже важный сигнал для следствия, что такие дела могут нуждаться в «судебном сопровождении».
- Системы оценки. Понятно, что окончательный отход от количественной оценки подразделений в перспективе 3-5 лет вряд ли возможен. При реализации позитивного сценария будет снижаться жесткость показателей, они будут становиться более вариативными и т.д. В этом смысле важно чтобы руководство демонстрировало определенную гибкость. Например, в целом важный и разумный отрицательный показатель «количество допущенных нарушений конституционных прав граждан» при неразумном использовании (почти гарантированное увольнение сотрудников, допустивших нарушение) стал, наоборот, работать против дальнейшего поступательного развития системы.

Если говорить в целом о направлениях работы, то уже внедряемые меры представляются разумными. Децентрализация правоохранительных органов (передача части милиции в подчинение акематов), усиление участия прокуратуры именно в расследовании (процессуальный прокурор),

сохранение стабильной ориентации на примирение, как удачный исход, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, создание упрощенных процедур для простых дел, усиление роли суда (следственные судьи) – все это шаги в направлении улучшения работы правоохранительной системы. Другой вопрос, повторимся, что на данный момент важнее добиться реального эффекта от применения этих мер, чем принимать новые.

При этом есть и отдельные контрреформы – такие как сокращение подсудности суда присяжных. При этом, наоборот, расширение его юрисдикции является важнейшим инструментом «приучения» правоохранительных органов к ситуации оправдания. Речь отнюдь не обязательно должна идти о «политических» преступлениях или преступлениях против государства. Наоборот, с большой вероятностью именно суд присяжных, работающий по обычным, типовым, но тяжким преступлениям даст большой положительный эффект.

Отдельно необходимо говорить о роли адвокатуры. Важным условием роста эффективности защиты является повышение государственного финансирования работы адвокатов «по назначению», чтобы эта деятельность стала хотя бы минимально привлекательной для квалифицированных юристов. Одновременно необходимо (и это не потребует финансовых затрат) создать систему распределения дел «по назначению» без участия следствия и суда (случайным образом).

В отдаленной перспективе можно было бы думать о ликвидации различий между оперативными службами и следствием с усилением роли прокуратуры в расследовании – переходе от трехчастной модели «оперативные службы – следствие – прокуратура» к двухчастной «полиция – прокуратура»

Какие шаги по преодолению ситуации были бы заведомо бессмысленными? В первую очередь, дальнейшая правка уголовно-процессуального законодательства. Его дальнейшее реформирование возможно только после того, как будет понятно, как именно заработали уже принятые нововведения.

При этом есть ключевая развилка. Есть основания полагать, что основным препятствием на пути дальнейшего развития является консерватизм судебной системы. Повышение требовательности судов к уровню доказывания, безусловно, является важнейшим инструментом решения поставленной проблемы. Реформы органов, работающих с уголовным делом на досудебной стадии, может быть успешной, но без изменения модели судебной работы даст лишь ограниченный эффект.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков

научный
руководитель

доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), профессор социологии права им. С.А. Муромцева Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)

Кирилл Титаев

кандидат социологических наук, специалист по эмпирическим исследованиям права и правоприменения

Арина Дмитриева

Мария Шклярчук

социолог, экономист, специалист по экономическому анализу права юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению

Дмитрий Скугаревский

Ирина Четверикова

Екатерина Моисеева

PhD, экономист, специалист по судебной статистике

юрист, социолог, специалист по судебной статистике и криминологии

кандидат социологических наук, специалист по социологическому анализу рынков и социологии профессий

Тимур Бочаров

юрист, социолог, специалист по гражданскому и арбитражному процессу

Алексей Кнорре

Владимир Кудрявцев

Денис Савельев

социолог, программист

политолог, специалист по уголовной политике

кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам

Даря Кузнецова

юрист, специалист в антимонопольном праве и концессионных соглашениях

Руслан Кучаков

экономист, политолог, специалист по контрольно-надзорной деятельности

Административный директор — **Мария Батыгина** Администратор — **Маргарита Михно**

Наши книги

- *Т. Бочаров, Е. Моисеева.* Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. — 278 с.
- *К. Титаев, М. Шклярчук.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. — 192 с.
- *В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев.* Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. — 272 с.
- *Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции.* М., 2015. — 320 с.
- *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов.* М., 2014. — 568 с.
- *По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России.* М., 2014. — 331 с.

- Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М., 2012. — 368 с.
- *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования.* М., 2011. — 317 с.

Наши серии

- Аналитические записки по проблемам правоприменения
- Аналитические обзоры по проблемам правоприменения
- Препринты сотрудников ИПП

Все материалы сотрудников ИПП
Вы всегда можете найти на сайте
www.enforce.spb.ru

